С 127. (229)

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1744

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1899 г.

стр.

I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть вторая. I–V. (Продолженіе). **Графа Е. А. Саліаса** 5

II. Записки графини **В. Н. Головиной** (1766—1820). IX—X. (Продолженіе) 33

III. Былое. (Изъ семейной хроники). **В. А. Тихонова** 49

IV. Воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнъ. **М. А. Давидовой** 76

Иллюстрація. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

V. Русское знамя въ Средней Азіи I—IV. **П. М. К.** 96

VI. Три типа русскихъ ученыхъ. (Куникъ, Срезневскій и Григоровичъ). **П. Н. Полевого** 123

VII. «Мерзлый русскій». **А. И. Фаресова** 144

VIII. Отъ Тихвина до Весьегонска. (Путевые наброски). **И. Ф. Тюменева** 158

Иллюстраціи: 1) Устюжна. Ворота соборной ограды.—2) Видъ на Устюжну изъ-за Мологи (Преображенкая, Срѣтенская и Воздвиженская церкви).—3) Соборъ въ Устюжнѣ. — 4) Устюжна. Церковь Благовѣщенія надъ р. Ворожею.—5) Устюжна. Казанское кладбище.—6) Видъ Весьегонска. — 7) Плотъ и паромъ на Мологѣ въ Весьегонскѣ. — 8) Соборъ въ Весьегонскѣ.

IX. Родина князя Потемкина. **Л. Я. Зайцева** 196

X. Исторія одной замѣчательной книги. **М. Н. С.** 201

XI. Народники и марксисты. (Критическая замѣтка). **Л. Е. Оболенскаго** 221

XII. Русскіе поэты въ нѣмецкомъ переводѣ. **А. К. Бороздина** 244

XIII. Типографское дѣло. **Г. Л. П.** 251

Иллюстрація. Иларіонъ Ѳедоровичъ Богдановъ.

XIV. Памяти В. О. Михневича. **Б. Б. Глинскаго** 260

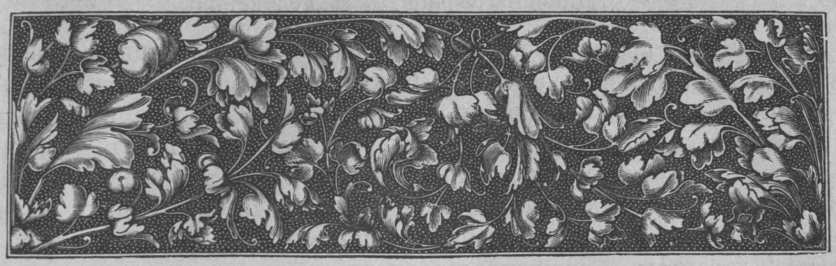
Иллюстрація. Владиміръ Осиповичъ Михневичъ.

XV. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. II. (Продолженіе). **В. Т.** 281

XVI. Критика и библіографія. 298

1) А. Н. Минхъ. Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I, выпускъ 1. Саратовъ. 1898. (Приложеніе къ V т. Трудовъ Саратовской ученой архивной комиссіи). **В. Б—ва.**—2) Князь Н. В. Голицынъ. Научно-образовательныя сношенія Россіи съ Западомъ въ началѣ XVII вѣка. Москва. 1898. **С.**—3) П. А. Картавовъ. Библіографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. №№ 1 и 2. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—4) Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію. Томъ II. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Георгія Александровича. Спб. 1898. **П. К.**—5) Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1899. **С. Л—на.** — 6) Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. 1873—1898 г. П. З. Рябкова. Елисаветградъ. 1899. **А. Фаресова.**—7) Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей 1877—1897 г. Спб. 1898. **Б. Г.**—8) Очерки современнаго офицерскаго быта. Соч. Н. Бутовскаго. Спб. 1899. **И. Н. З.**—9) Библіографическіе матеріалы. Опись книгъ, брошюръ и статей библіотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеографія. Книгопечатаніе и законы о цензурѣ и пе-

См. слѣд. стр.



ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ.

(1766—1817).

ГРАФИНЯ Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Съ ранняго дѣтства она имѣла доступъ ко двору императрицы Екатерины II, была замѣчена и любима ею, а вслѣдъ затѣмъ сблизилась съ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной, впослѣдствіи императрицей. Въ царствованіе императора Павла придворныя интриги удалили графиню Головину отъ двора и отъ великой княгини Елисаветы Алексѣевны, къ которой она страстно привязалась. Варвара Николаевна окружила себя тогда французскими эмигрантами и іезуитами и въ ихъ обществѣ искала утѣшенія въ постигшихъ ее невзгодахъ; тогда же она приняла затѣмъ католицизмъ. Послѣ смерти императора Павла, В. Н. Головина переселилась въ Парижъ, сдружилась тамъ съ обитателями Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и была свидѣтельницей всѣхъ сценъ, сопровождавшихъ превращеніе консульства въ имперію. Съ наступленіемъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, графиня Головина возвратилась въ Россію, но видимо чувствовала себя уже не совсѣмъ дома: попрежнему вращалась она среди эмигрантовъ и іезуитовъ, пока эмигранты въ 1814 году не возвратились во Францію, когда совершилась реставрація бурбоновъ, а іезуиты не были изгнаны въ 1816 году изъ Россіи. Вскорѣ затѣмъ графиня В. Н. Головина скончалась во Франціи, въ Монпелье, въ 1819 гдду.

Уже этотъ краткій очеркъ внѣшней жизни графини Головиной показываетъ, что ей было о чемъ разсказать въ своихъ «Запискахъ». Интересъ, возбуждаемый ими, увеличивается, благодаря личнымъ свойствамъ ихъ автора. По отзывамъ современниковъ, графиня Головина выдѣлялась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый характеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, также рѣзко отличали графиню Головину отъ многихъ другихъ представительницъ высшаго общества ея времени [1]). Но въ характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ. Сентиментализмъ былъ руководствующимъ побужденіемъ графини Головиной, не знавшей границъ ни въ своей дружбѣ, ни въ своихъ антипатіяхъ. Графиня Эдлингъ, знавшая Головину уже въ зрѣлые ея годы, замѣчаетъ о ней въ своихъ запискахъ: «Экзальтація г-жи Головиной была иногда трогательна, а иногда становилась просто смѣшною. Я любила слѣдить за игрою ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности». Но, — прибавляетъ Эдлингъ, — рѣчи Головиной иногда пробуждали и въ ней чувство восторга [2]). Живость воображенія Головиной была такъ велика, что одинъ изъ случайныхъ ея слушателей до глубокой старости не могъ забыть сдѣланнаго ею описанія деревни ея мужа. Головина любила сельскую жизнь, любила природу [3]). Всѣми этими качествами Головина приближалась къ типу «прекраснодушныхъ» русскихъ женщинъ второй половины XVIII вѣка, создававшихъ себѣ религію сердца и жаждавшихъ правды и чистой нѣжной любви. Но сѣрая русская дѣйствительность того времени не представляла ни уму, ни сердцу, жаждавшему преклоненія, никакихъ отчетливо сложившихся дисциплинъ; въ русской жизни нужно было тогда разбираться, нужно было самому создавать себѣ въ ней какіе либо интересы: до такой степени она была еще не некультурна и безформенна. Къ такой работѣ неспособны были люди, которые природой и воспитаніемъ предназначены были къ жизни созерцательной; оттого, при первой крупной неудачѣ, при первой

---

[1]) Виже-Лебренъ, близко знавшая Головину, отзывалась о ней, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «La comtesse Golowine était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait sonvent pour nous tenir compagnie... Elle dessinait trez-bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle était à l'affût de toutes les nouvelles litteraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussitôt qu'a Paris».— «Souvenirs de madame Vigée Le Brun», I, 350.

[2]) Mémoires de la comtesse Edling, 46—47.

[3]) Записки Тимковскаго («Русск. Арх.», 1874, I, 1463).

жизненной бурѣ, они стремились съ своими духовными запросами туда, гдѣ волновавшія ихъ идеи нашли уже себѣ ясное, опредѣленное отраженіе, отвѣчавшее ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ могли содѣйствовать ихъ душевному успокоенію. Дисциплинами этими явились роялизмъ и католицизмъ, представители которыхъ, эмигранты и іезуиты, въ нашемъ офранцуженномъ обществѣ были своими людьми, находя себѣ въ немъ вторую Францію. Воспитаніе, вся свѣтская обстановка русскихъ прозелитокъ была воспроизведеніемъ жизни французскаго общества временъ Людовика XVI: это былъ вѣкъ пудры, вѣкъ декламаціи, вѣкъ роскошныхъ, изящныхъ поддѣлокъ подъ природу, возбуждавшихъ въ сентиментальныхъ душахъ возвышенныя чувства, утонченныя ощущенія. Всѣ мелочи жизни, начиная съ костюма, мебели, экипажей и кончая невинными или опасными развлеченіями, напримѣръ, танцами и «маханіемъ», представляли, каждая сама по себѣ, законченную поэтическую картинку, ласкавшую глазъ, а все, вмѣстѣ взятое, составляло то эстетическое цѣлое, о которомъ мы, люди житейской прозы и удобствъ, не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Міръ матеріальный являлся лишь отраженіемъ міра идеальнаго. Принимали за аксіому, что все возвышенное въ моральномъ, духовномъ мірѣ должно выражаться въ изящно-величественныхъ формахъ, должно быть передано «высокимъ штилемъ», чтобы не оскорбить чувствъ изящно воспитаннаго человѣка и сдѣлать предметы доступными его пониманію. Съ этой эстетической точки зрѣнія, усвоеніе идеи роялизма и католицизма также облегчалось для нашихъ аристократическихъ прозелитокъ: онѣ заслушивались элегантныхъ эмигрантовъ, красиво излагавшихъ повѣсть о своихъ страданіяхъ за вѣрность королю, претерпѣнныхъ ими отъ революціонныхъ кровопійцъ и изверговъ; онѣ преклонялись предъ патеромъ-іезуитомъ, который, будучи по образованію и воспитанію своимъ человѣкомъ въ аристократическомъ кружкѣ, велъ съ ними религіозныя бесѣды на французскомъ языкѣ, со всею присущею католицизму театральностію: русскій «попъ», мало чѣмъ отличавшійся тогда отъ простого мужика, былъ, конечно, черезчуръ яркой противоположностію отцу-іезуиту. Красотъ русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполнѣ понятнымъ воплощеніе монархической идеи—въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ—въ сладкихъ, иногда торжественныхъ проповѣдяхъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспріимчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя натуры изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію, и кристальная чистота духовнаго ихъ томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ,

Уже этотъ краткій очеркъ внѣшней жизни графини Головиной показываетъ, что ей было о чемъ разсказать въ своихъ «Запискахъ». Интересъ, возбуждаемый ими, увеличивается, благодаря личнымъ свойствамъ ихъ автора. По отзывамъ современниковъ, графиня Головина выдѣлялась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый характеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, также рѣзко отличали графиню Головину отъ многихъ другихъ представительницъ высшаго общества ея времени [1]). Но въ характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ. Сентиментализмъ былъ руководствующимъ побужденіемъ графини Головиной, не знавшей границъ ни въ своей дружбѣ, ни въ своихъ антипатіяхъ. Графиня Эдлингъ, знавшая Головину уже въ зрѣлые ея годы, замѣчаетъ о ней въ своихъ запискахъ: «Экзальтація г-жи Головиной была иногда трогательна, а иногда становилась просто смѣшною. Я любила слѣдить за игрою ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности». Но, — прибавляетъ Эдлингъ, — рѣчи Головиной иногда пробуждали и въ ней чувство восторга [2]). Живость воображенія Головиной была такъ велика, что одинъ изъ случайныхъ ея слушателей до глубокой старости не могъ забыть сдѣланнаго ею описанія деревни ея мужа. Головина любила сельскую жизнь, любила природу [3]). Всѣми этими качествами Головина приближалась къ типу «прекраснодушныхъ» русскихъ женщинъ второй половины XVIII вѣка, создававшихъ себѣ религію сердца и жаждавшихъ правды и чистой нѣжной любви. Но сѣрая русская дѣйствительность того времени не представляла ни уму, ни сердцу, жаждавшему преклоненія, никакихъ отчетливо сложившихся дисциплинъ; въ русской жизни нужно было тогда разбираться, нужно было самому создавать себѣ въ ней какіе либо интересы: до такой степени она была еще не некультурна и безформенна. Къ такой работѣ неспособны были люди, которые природой и воспитаніемъ предназначены были къ жизни созерцательной; оттого, при первой крупной неудачѣ, при первой

---

[1]) Виже-Лебренъ, близко знавшая Головину, отзывалась о ней, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «La comtesse Golowine était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait sonvent pour nous tenir compagnie... Elle dessinait trez-bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle etait à l'affût de toutes les nouvelles litteraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussitôt qu'a Paris».— «Souvenirs de madame Vigée Le Brun», I, 350.

[2]) Mémoires de la comtesse Edling, 46—47.

[3]) Записки Тимковскаго («Русск. Арх.», 1874, I, 1463).

жизненной бурѣ, они стремились съ своими духовными запросами туда, гдѣ волновавшія ихъ идеи нашли уже себѣ ясное, опредѣленное отраженіе, отвѣчавшее ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ могли содѣйствовать ихъ душевному успокоенію. Дисциплинами этими явились роялизмъ и католицизмъ, представители которыхъ, эмигранты и іезуиты, въ нашемъ офранцуженномъ обществѣ были своими людьми, находя себѣ въ немъ вторую Францію. Воспитаніе, вся свѣтская обстановка русскихъ прозелитокъ была воспроизведеніемъ жизни французскаго общества временъ Людовика XVI: это былъ вѣкъ пудры, вѣкъ декламаціи, вѣкъ роскошныхъ, изящныхъ поддѣлокъ подъ природу, возбуждавшихъ въ сентиментальныхъ душахъ возвышенныя чувства, утонченныя ощущенія. Всѣ мелочи жизни, начиная съ костюма, мебели, экипажей и кончая невинными или опасными развлеченіями, напримѣръ, танцами и «маханіемъ», представляли, каждая сама по себѣ, законченную поэтическую картинку, ласкавшую глазъ, а все, вмѣстѣ взятое, составляло то эстетическое цѣлое, о которомъ мы, люди житейской прозы и удобствъ, не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Міръ матеріальный являлся лишь отраженіемъ міра идеальнаго. Принимали за аксіому, что все возвышенное въ моральномъ, духовномъ мірѣ должно выражаться въ изящно-величественныхъ формахъ, должно быть передано «высокимъ штилемъ», чтобы не оскорбить чувствъ изящно воспитаннаго человѣка и сдѣлать предметы доступными его пониманію. Съ этой эстетической точки зрѣнія, усвоеніе идеи роялизма и католицизма также облегчалось для нашихъ аристократическихъ прозелитокъ: онѣ заслушивались элегантныхъ эмигрантовъ, красиво излагавшихъ повѣсть о своихъ страданіяхъ за вѣрность королю, претерпѣнныхъ ими отъ революціонныхъ кровопійцъ и изверговъ; онѣ преклонялись предъ патеромъ-іезуитомъ, который, будучи по образованію и воспитанію своимъ человѣкомъ въ аристократическомъ кружкѣ, велъ съ ними религіозныя бесѣды на французскомъ языкѣ, со всею присущею католицизму театральностію: русскій «попъ», мало чѣмъ отличавшійся тогда отъ простого мужика, былъ, конечно, черезчуръ яркой противоположностію отцу-іезуиту. Красотъ русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполнѣ понятнымъ воплощеніе монархической идеи—въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ—въ сладкихъ, иногда торжественныхъ проповѣдяхъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспріимчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя натуры изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію, и кристальная чистота духовнаго ихъ томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ,

захваченныхъ іезуитами, а за ней, и отчасти благодаря ея вліянію, послѣдовалъ рядъ другихъ прозелитокъ, въ томъ числѣ подруга ея, знаменитая впослѣдствіи г-жа Свѣчина; но и въ самомъ своемъ отпаденіи отъ родной вѣры онѣ явились яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго духа, духа смиренія и самоотреченія. Западъ такимъ образомъ бралъ себѣ первые дорогіе плоды, посѣянные имъ на русской нивѣ образованности.

Записки свои графиня Головина писала главнымъ образомъ для любимой ею императрицы Елисаветы Алексѣевны, съ ея одобренія: естественно, поэтому, что, при всей своей искренности и правдивости, она касалась въ своихъ воспоминаніяхъ только тѣхъ предметовъ, которые она считала интересными для царственной своей подруги, или тѣхъ, на которые она желала обратить ея вниманіе. Оттого біографическія данныя о себѣ самой Головина не сообщаетъ въ «Запискахъ» съ должной полнотой; о нѣкоторыхъ же подробностяхъ своей личной жизни она вовсе не упоминаетъ, хотя онѣ весьма важны для правильнаго освѣщенія ея личности. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Головиной также не могутъ быть полны, такъ какъ бумаги ея находятся за границей, въ особенности у достопочтенныхъ отцовъ-іезуитовъ, не очень склонныхъ дѣлиться своимъ наслѣдствомъ для уясненія намъ своего и нашего прошлаго; но и того, что есть у насъ, достаточно, чтобы возстановить, хотя въ краткихъ чертахъ, исторію симпатичной русской женщины, превратившейся велѣніемъ судьбы въ роялистку и католичку.

Графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, родилась въ 1766 году отъ брака генералъ-поручика князя Николая Ѳедоровича Голицына (р. 1728 г., † 1780 г.) съ Прасковьей Ивановной Шуваловой (р. 1734 г., † 1082 г.), любимой сестрой славнаго мецената и любимца императрицы Елисаветы Петровны, Ивана Ивановича Шувалова [1]). Варвара Николаевна имѣла двухъ братьевъ, бывшихъ старше ея по возросту: князя Ѳедора Николаевича (р. 1751 г., † 1827 г.) и князя Ивана Николаевича (р. 1759 г., † 1777 г). Отецъ Варвары Николаевны былъ, кажется, угрюмаго, сумрачнаго нрава и вовсе не вмѣшивался въ воспитаніе своихъ дѣтей, предоставивъ это дѣло своей женѣ. Подобно брату, И. И. Шувалову, княгиня Прасковья Ивановна отличалась мягкимъ, добрымъ, хотя нерѣшительнымъ характеромъ, и, подобно ему же, любила искусство, умѣла цѣнить образованіе и эти качества передала и своей дочери, княжнѣ Варварѣ. Вмѣстѣ

---

[1]) Въ книгѣ: «Родъ кн. Голицыныхъ», 165, годъ рожденія В. Н. показанъ ошибочно 1756-й, тогда какъ въ «Запискахъ» своихъ гр. Головина указываетъ, что въ годъ рожденія императора Александра Павловича, т. е. въ 1777 г., ей было только 11 лѣтъ. «Записки» подтверждаютъ такимъ образомъ дату рожденія Головиной, встрѣчающуюся у Карабанова («Статсъ-дамы» и проч.)—12-е февраля 1766 г.—«Русск. Стар.», 1871, 395.

съ мужемъ и двумя младшими дѣтьми, княгиня П. И. Голицына жила въ подмосковномъ селѣ Петровскомъ, Звенигородскаго уѣзда, родовомъ имѣніи Голицыныхъ, тогда какъ старшаго ея сына, князя Ѳедора, тотчасъ по вступленіи императрицы Екатерины на престолъ, взялъ съ собою за границу И. И. Шуваловъ, не ладившій съ новой государыней и долгое время послѣ того проживавшій въ чужихъ краяхъ до 1777 г. Дѣтство Варвары Николаевны протекло такимъ образомъ въ деревнѣ, въ замкнутомъ семейномъ кружкѣ, внѣ общества подругъ или сверстницъ, и въ душѣ ея заронилась навсегда склонность къ созерцательной жизни и любовь къ природѣ и тихой сельской жизни. Возвращеніе И. И. Шувалова и старшаго сына изъ-за границы въ 1777 г., смерть младшаго сына, случившаяся въ это же время, побудили княгиню Голицыну поѣхать съ семьей въ Петербургъ. Здѣсь, пользуясь покровительствомъ брата, ласково принятаго императрицей, Прасковья Ивановна получила доступъ ко двору, а сынъ ея, князь Ѳедоръ, пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Окончательно поселилась княгиня Прасковья Ивановна въ Петербургѣ лишь въ 1780 году, послѣ смерти своего мужа. И. И. Шуваловъ былъ старый холостякъ и желалъ, чтобы сестра жила къ нему поближе, а на дѣтей ея онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ наслѣдниковъ; притомъ, возростъ княжны Варвары требовалъ уже, чтобы она познакомилась съ придворной и свѣтской жизнію и довершила свое воспитаніе. Княгиня Голицына жила въ домѣ, прилегавшемъ своей стѣной къ дому И. И. Шувалова, такъ что между обоими домами существовало внутреннее сообщеніе, и они составляли какъ бы одну квартиру [1]). Постоянное общество И. И. Шувалова, его бесѣды съ нимъ, способствовали развитію въ княжнѣ Варварѣ литературнаго и художественнаго образованія и вкуса: основатель Московскаго университета и академіи художествъ имѣлъ у себя прекрасную библіотеку и художественныя собранія; сама Головина разсказываетъ мимоходомъ о своихъ занятіяхъ съ любимымъ дядей. При дворѣ на княжну Голицыну и ея брата смотрѣли, какъ на пріемныхъ дѣтей И. И. Шувалова, государыня ласкала ихъ, и уже въ 1783 году княжна Варвара Голицына была фрейлиной. Но еще ранѣе пятнадцатилѣтняя дѣвушка замѣтила среди придворныхъ кавалеровъ молодого графа Николая Николаевича Головина и полюбила его; Головинъ съ своей стороны не скрывалъ своихъ чувствъ къ ней. Хотя Головинъ, по своему происхожденію и богатству, являлся по взгляду общества вполнѣ приличной партіей для княжны, но мать ея и дядя, вслѣдствіе крайней молодости невѣсты, отложили вопросъ о бракѣ ея впредь до возвращенія Головина изъ-за границы, куда онъ отправился для до-

---

[1]) Домъ И. И. Шувалова находился на углу Невскаго и Большой Садовой, нынѣ домъ Шредера, а домъ Голицыной — на Невскомъ, противъ мѣста, занимаемаго теперь Екатерининскимъ скверомъ.

вершенія своего образованія. Трехлѣтняя разлука не измѣнила чувствъ княжны Варвары Николаевны, и по возвращеніи Головина изъ-за границы, она вышла за него замужъ: сама императрица благословила ее къ вѣнцу. Выборъ княжны Варвары, кажется, былъ не вполнѣ удаченъ: о Головинѣ отзывались современники вообще съ невыгодной стороны [1]); интимная дружба его съ Ростопчинымъ, «сумасшедшимъ Ѳедькой», по отзыву Екатерины, также не совсѣмъ говоритъ въ его пользу [2]). Во всякомъ случаѣ, графъ Н. Н. Головинъ ничѣмъ особенно дурнымъ не выдѣлялся изъ ряда многихъ другихъ придворныхъ того времени, былъ свѣтски воспитанъ и образованъ, а жена его, даже разочаровавшись въ немъ впослѣдствіи, ни однимъ словомъ упрека не обмолвилась о немъ въ своихъ «Запискахъ» и была вѣрной супругой и матерью семейства. Первые годы своего замужества молодая графиня Головина провела, однако, вполнѣ счастливо; въ роднѣ мужа нашла она для себя и симпатичную подругу, княжну Анну Ивановну Барятинскую [3]), вышедшую замужъ за графа Николая Александровича Толстого. Счастію новобрачной содѣйствовало то обстоятельство, что мужъ ея переселился въ домъ ея матери, и такимъ образомъ она не разлучалась съ нею. Когда, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, графъ Головинъ, числившійся въ рядахъ арміи, долженъ былъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, жена его отправилась сама навѣстить его, предпринявъ для этого тяжелое и угомительное путешествіе изъ Петербурга въ отдаленную Молдавію.

10-го мая 1793 г. императрица Екатерина обручила своего любимаго внука и предполагаемаго наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, съ принцессой баденской Луизой, нареченной въ православіи великой княжной Елисаветой Алексѣевной. Вслѣдъ затѣмъ для молодой четы образованъ былъ особый дворъ, гофмейстеромъ котораго назначенъ былъ графъ Н. Н. Головинъ. Вѣроятной причиной этого назначенія было желаніе императрицы приблизить къ неопытной и молоденькой своей невѣсткѣ графиню Голо-

---

[1]) Безбородко отзывается о немъ, какъ о «негодяѣ» (Арх. кн. Воронц., XII, 349), а князь Вяземскій отзывался о немъ, какъ о пустомъ человѣкѣ (Полное собр. сочин., IX, 8). Родственникъ Головина, кн. А. И. Вяземскій, отецъ предыдущаго, писалъ о немъ «c'est... un homme paresseux, indolent, sybarite» (Арх. кн. Воронц., XIV, 382).

[2]) «L'ami intime de Rastoptchine»,—говоритъ о немъ гр. Н. П. Панинъ (Арх. кн. Воронцова, IX, 111). Часть переписки гр. Н. Н. Головина съ Ростопчинымъ, къ сожалѣнію, отрывочная и за позднѣйшее время, напечатана въ «Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rostoptchine, rassemblés par son fils», p. 410 et suiv. Изданіе это напечатано было всего въ 12 экземплярахъ въ Брюсселѣ.

[3]) Дочь кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго отъ брака съ принцессой Екатериной Петровной Голштейнъ-Бекской. Мать Екатерины Петровны — принцесса Наталія Николаевна Голштейнъ-Бекская, урожденная графиня Головина, родная тетка гр. Н. Н. Головина.

вину, которую она давно оцѣнила за ея преданность къ себѣ, мягкій характеръ и нравственную чистоту. Дѣйствительно, когда бракосочетаніе совершилось, и пятнадцатилѣтняя великая княгиня Елисавета очутилась въ новомъ своемъ отечествѣ въ полномъ нравственномъ одиночествѣ, среди чуждой для нея обстановки, она постепенно подружилась съ Головиной, бывшей старше ея по возросту, но сохранившей свѣжесть чувствъ первой молодости; съ своей стороны, графиня Головина почувствовала къ великой княжнѣ нѣжную привязанность и навсегда осталась ея другомъ. Императрица поощряла эту дружбу, но лица, составлявшія дворъ великокняжеской четы, были недовольны преобладающимъ вліяніемъ Головиной на великую княгиню. Начались интриги противъ нея, и въ нихъ главное участіе принимала гофмейстерина великой княгини, графиня Е. П. Шувалова, и А. Я. Протасовъ: вліянію графини Головиной старались приписывать всѣ ошибки въ поведеніи великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы, доносили о томъ императрицѣ; противъ Головиной высказывалась даже великая княгиня Марія Ѳеодоровна, которая знала о желаніи Екатерины устранить ея супруга отъ престола и боялась вліянія на великокняжескую чету графини Головиной, преданной императрицѣ. Молодая, искренняя и, по характеру своему, неспособная ни къ какимъ интригамъ Головина держалась на своемъ мѣстѣ исключительно, лишь благодаря поддержкѣ императрицы, несмотря даже на враждебныя отношенія къ себѣ Зубова и сдѣлавшагося коварнымъ другомъ великаго князя яраго поляка, кн. Адама Чарторижскаго. Но, со вступленіемъ на престолъ императора Павла, враги Головиной достигли своей цѣли: они успѣли оклеветать ее даже предъ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной до такой степени, что великая княгиня сочла ее низкой интриганткой, съ умысломъ вкрадывавшейся въ ея довѣріе, и не захотѣла даже объясниться съ ней. Дружба гр. Н. Н. Головина съ Ростопчинымъ, фаворитомъ новаго императора, давала клеветѣ видъ правдоподобія: говорили, что чета Головиныхъ была де только орудіемъ въ рукахъ Ростопчина, желавшаго, будто бы, съ ихъ помощію вооружить императора противъ наслѣдника престола и его супруги. Сплетня сдѣлала свое дѣло: Головинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности гофмейстера при дворѣ великаго князя, а послѣдовавшее затѣмъ назначеніе его сенаторомъ и президентомъ почтоваго правленія, находившагося подъ главнымъ начальствомъ Ростопчина, дало видъ достовѣрности клеветамъ враговъ Головиныхъ. Главнымъ виновникомъ этой бѣды Головиныхъ былъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который желалъ занять мѣсто графа Головина при великомъ князѣ и, будучи въ это время въ размолвкѣ съ своей женой, подругой графини В. Н. Головиной, объяснялъ именно ея вліяніемъ на жену свои семейныя невзгоды, имѣвшія совершенно другой источникъ. Истина обнаружилась, но спустя лишь десять лѣтъ. Графиня

Эдлингъ, бывшая одною изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, писала впослѣдствіи, говоря о дружбѣ, связывавшей императрицу съ графиней Головиной: «Интригѣ удалось разъединить ихъ; графиня Головина удалилась тогда отъ предмета своего обожанія, но никогда не переставала любить императрицу» [1]). Въ «Запискахъ» своихъ Головина подробно разсказываетъ, какія страданія она выносила, чувствуя незаслуженное невниманіе и даже презрѣніе къ себѣ лица, которому она предана была всѣмъ сердцемъ: положеніе это было тѣмъ болѣе тягостнымъ, что она десять лѣтъ мучилась въ догадкахъ, не зная, въ чемъ именно она была оклеветана предъ императрицей.

Увлекаясь разсказомъ о своихъ отношеніяхъ къ императрицѣ, графиня Головина не упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ», что, въ началѣ царствованія Павла, она лишилась своего семейнаго кружка, въ которомъ привыкла жить съ дѣтства. Братъ ея, кн. Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ императора Павла, назначенъ былъ по просьбѣ дяди, И. И. Шувалова, кураторомъ Московскаго университета и сталъ жить въ Москвѣ, а въ ноябрѣ 1797-го года умеръ и самъ И. И. Шуваловъ. Мало того, именно въ это время она должна была узнать, что мужъ ея имѣлъ побочнаго сына [2]), а это обстоятельство должно было произвести на любящую и строго-нравственную жену, довѣрявшую мужу, тяжелое впечатлѣніе: хотя въ «Запискахъ» она нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о постигшихъ ее семейныхъ несчастіяхъ, но съ этого времени почти вовсе не упоминаетъ о мужѣ, говоря о своихъ занятіяхъ и времяпрепровожденіи. Всѣ эти невзгоды страшно повліяли на графиню Головину, которая въ привязанности къ дорогимъ ей людямъ искала себѣ счастія, а между тѣмъ потерпѣла въ этомъ отношеніи жестокое разочарованіе. Остававшаяся еще въ живыхъ мать Головиной, княгиня П. И. Голицына, была уже въ преклонномъ возростѣ и постоянно хворала, а двѣ дочери были еще дѣтьми. Гдѣ же нашла для себя Головина утѣшеніе и поддержку?

Тимковскій, жившій въ домѣ И. И. Шувалова, незадолго до его смерти, разсказываетъ, что домъ его наполненъ былъ французскими эмигрантами [3]). Въ числѣ ихъ были и іезуиты, но іезуиты скрытые, еще не обнаруживавшіе своихъ цѣлей и принадлежности къ обществу Іисуса. Княгиня Голицына и графиня Головина постоянно находились при И. И. Шуваловѣ, принимая всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ его. «Молодая, круглая дама», какъ называетъ Головину Тимковскій, была главнымъ центромъ собиравшагося общества; изъ числа собесѣдниковъ выдѣлялся всегда іезуитъ кавалеръ д'Огардъ, подъ личиной

---

[1]) «Mémoires de la comtesse Edling», 46.
[2]) Сенатскій Архивъ, т. I, 702.
[3]) Русскій Арх., 1874, I, 1439—1465.

веселаго свѣтскаго болтуна умѣвшій вывѣдывать почву и заручиться расположеніемъ вліятельныхъ лицъ [1]), и покровитель его, графъ Шуазель-Гуфье, только что назначенный директоромъ публичной библіотеки и, вмѣстѣ съ д'Огардомъ, способствовавшій ея расхищенію. И. И. Шуваловъ, окруженный «чумою», какъ называлъ эмигрантовъ Ростопчинъ, не питалъ къ нимъ однако особаго довѣрія, но терпѣлъ ихъ, по мягкости и нерѣшительности своего характера; старческій, немощный гнѣвъ его проявлялся иногда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда французы позволяли себѣ затронуть какую либо слабую струну его, и въ этихъ случаяхъ княгиня Голицына и графиня Головина являлись защитницами нескромнаго гостя: однажды Шуваловъ, по ничтожному поводу, выгналъ изъ дому извѣстнаго Пикара, корреспондента князя А. Б. Куракина, и простилъ его лишь по просьбѣ сестры и племянницы.

Но послѣ смерти Н. И. Шувалова эмигранты и іезуиты уже не имѣли нужды стѣсняться въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, и графиня Головина сдѣлалась болѣе доступной ихъ вліянію. Рѣшающее для нея значеніе имѣло знакомство ея съ извѣстной эмигранткой, принцессой де-Тарантъ, бывшей статсъ-дамой королевы Маріи-Антуанеты. Это была женщина уже пожилая и нѣсколько отталкивающей наружности, но добродѣтельная и умная, обладавшая притомъ твердымъ, настойчивымъ характеромъ, закалившимся въ горнилѣ революціонныхъ бурь. Подъ вліяніемъ страшнаго урока, даннаго революціей, многія изнѣженныя, легкомысленныя француженки, принадлежавшія къ высшей французской аристократіи, испытали своего рода нравственное превращеніе: школа несчастій выработала у нихъ чувство собственнаго достоинства, сознаніе долга къ семьѣ и къ обществу, преданность королю и церкви. Въ женщинахъ же, подобныхъ де-Тарантъ, внезапная перемѣна судьбы должна была возбудить фанатизмъ въ преслѣдованіи идей, которымъ онѣ были вѣрны всю свою жизнь: она была, дѣйствительно, plus royaliste que le roi-même и являлась фанатической католичкой, видѣвшей спасеніе отъ растлѣвающихъ ученій якобинства, главнымъ образомъ, въ дѣятельности отцовъ-іезуитовъ. Еще до знакомства своего съ де-Тарантъ, графиня Головина питала къ ней чувство уваженія за преданность, которую она показала къ несчастной королевской семьѣ; между тѣмъ, слыша о разностороннемъ образованіи Головиной, сама де-Тарантъ не думала встрѣтить въ ней единомысліе, считала ее даже «педанткой». Когда обѣ женщины узнали другъ друга ближе, то между ними оказалась полная гармонія: обѣ были несчастны, обѣ чувствовали себя одинокими нравственно, обѣ склонны были къ

---

[1]) «L'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes, говоритъ одна изъ его жертвъ, г-жа Свѣчина, est dû au chevalier d'Augard». Falloux: «Madame Swetchine» etc., I, 30.

экзальтаціи, но графиня Головина, какъ натура болѣе мягкая, подчинилась нравственному руководительству г-жи де-Тарантъ и восприняла отъ нея уже сложившееся міросозерцаніе, котораго она не могла себѣ выработать сама, благодаря своему безпочвенному, экзотическому, хотя и широкому образованію [1]).

Дружба Головиной съ де-Тарантъ была торжествомъ для іезуитовъ. Де-Тарантъ поселилась у своей подруги, и домъ Головиной сдѣлался центромъ католической пропаганды въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, простодушная Головина, сама не зная того, сдѣлалась въ рукахъ іезуитовъ общественной силой для совращенія русскихъ женщинъ высшаго общества въ католичество. Помимо цѣлей религіозныхъ и политическихъ, іезуиты добывали себѣ тѣмъ и матеріальныя средства, путемъ пожертвованій и приношеній на религіозныя и благотворительныя цѣли, а Головины имѣли 100.000 р. годового дохода. Трудно опредѣлить время совращенія Головиной: сама она ни словомъ не упоминаетъ даже о переходѣ своемъ въ латинство, такъ какъ іезуиты требовали, чтобы прозелитки наши сохраняли въ тайнѣ свое отступничество. Вѣроятно, что Головина приняла католичество въ 1800 году, въ одно время съ нѣкоторыми другими представительницами высшаго общества, когда впервые дѣятельность іезуитовъ въ Россіи принесла свои плоды. Вліяніе де-Тарантъ въ домѣ Головиной сдѣлалось такъ велико, что, по отзыву самихъ іезуитовъ, дочери Головиной относились къ ней такъ же, какъ и къ матери (partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet hôte illustre) [2]). Мужья, въ большинствѣ случаевъ зараженные «вольтерьянствомъ», обыкновенно смотрѣли на религіозную горячку своихъ женъ съ насмѣшливымъ равнодушіемъ, не замѣчая, что ихъ дѣти также становились чужды своему отечеству. Такимъ образомъ, много русскихъ аристократическихъ семействъ сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ. Замѣчательно, что со времени обращенія своего въ католицизмъ графиня Головина не говоритъ вовсе о своемъ братѣ, кн. Ѳедорѣ Ник. Голицынѣ, который въ оставшихся послѣ него «Запискахъ» платитъ сестрѣ тою же монетою, вовсе не упоминая

---

[1]) О де-Тарантъ существуютъ многочисленныя показанія современниковъ. См. Морошкина «Іезуиты въ Россіи», «Арх. кн. Воронцова», passim, «Воспоминанія гр. Бутурлина» въ «Русск. Арх.» 1897 г. и т. д. О характерѣ вліянія г-жи де-Тарантъ одинъ историкъ-іезуитъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Ея политическія идеи не отличались ни серьезностью, ни глубиною, но онѣ сочетались съ такими величественными преданіями, съ такими трогательными несчастіями, что въ ней видѣли живое воплощеніе прошедшаго и приближались къ ней съ чувствомъ глубокаго уваженія и умиленія». Falloux, I, 164. Графиня Эдлингъ, которая не допустила де-Тарантъ совратить себя въ католичество, хвалитъ однако ея умъ и характеръ, но прибавляетъ: «она судила обо всемъ только съ точки зрѣнія своихъ предубѣжденій». Mémoires, 45.

[2]) Falloux, I, 164.

о ней, тогда какъ по нравственнымъ своимъ качествамъ и образованію онъ, наравнѣ съ сестрою, является достойнымъ воспитанникомъ и наслѣдникомъ Шувалова. Не является ли это обстоятельство симптомомъ охлажденія Голицына и Головиной другъ къ другу послѣ принятія Головиной католицизма, такъ какъ кн. Ѳедоръ Николаевичъ, по духу и міросозерцанію своему, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ? Позволяемъ себѣ эту догадку: до такой степени поразительно это обоюдное умолчаніе, въ особенности со стороны Головиной, которая зато охотно вдается въ совершенно лишнія подробности, говоря объ эмигрантахъ и патерахъ.

Когда во Франціи желѣзная рука перваго консула начала водворять порядокъ, г-жа де-Тарантъ уѣхала во Францію повидаться съ родными. За нею туда же отправились и Головины, такъ какъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра, имъ было неудобно оставаться при дворѣ, вслѣдствіе прежнихъ недоразумѣній; притомъ здоровье княгини П. И. Голицыной требовало лѣченія за границей. Два года пробыла Головина въ Парижѣ, и здѣсь она окончательно порвала духовныя свои связи съ родиной, но зато вошла въ единеніе съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Съ началомъ наполеоновскихъ войнъ, Головина должна была возвратиться въ Россію, но ее сопровождала ея неразлучная подруга, де-Тарантъ. Замѣчательно, что, живя вдали отъ двора и отечества, Головина продолжала думать и горевать объ императрицѣ Елисаветѣ, сознавая искренность своей привязанности къ ней и надѣясь когда либо очистить себя въ ея глазахъ. Когда она успѣла достигнуть этой цѣли по возвращеніи въ Петербургъ, велика была ея радость. Годы отчужденія сдѣлали, однако, свое дѣло: прежнія отношенія и прежнее довѣріе уже не могли возвратиться; притомъ императрица Елисавета должна была быть къ ней сдержанной, такъ какъ дѣятельность іезуитовъ въ Россіи уже обратила на себя вниманіе правительства, а графиня Головина всѣмъ была извѣстна, какъ ревностная ихъ покровительница. Въ 1814 году Головину постигъ ужасный ударъ: она лишилась г-жи де-Тарантъ; смерть застигла ее въ то время, когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о низложеніи Наполеона и реставраціи Бурбоновъ. Тѣло де-Тарантъ Головины отправили во Францію къ ея роднымъ.

Дальнѣйшая жизнь графини В. Н. Головиной была уже для нея медленнымъ угасаніемъ. Жила она съ мужемъ попреимуществу въ Петербургѣ. Дочери ея получили фрейлинскій шифръ, а графъ Н. Н. Головинъ занималъ высокое положеніе члена государственнаго совѣта, имѣлъ званіе оберъ-шенка и съ 1817 года былъ предсѣдателемъ комиссіи по построенію Исаакіевскаго собора. 9 апрѣля 1816 года, графиня Головина, какъ бы въ забвеніе старыхъ обидъ, пожалована была въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Дочери Головиной, воспитанныя въ католицизмѣ, также вышли за-

мужъ за католиковъ: графиня Прасковья Николаевна за графа Максимиліана Фредро, а графиня Елисавета Николаевна за графа Льва Потоцкаго. О послѣднемъ періодѣ жизни Головиной свѣдѣній почти вовсе не сохранилось, за исключеніемъ отрывочныхъ замѣчаній, случайно встрѣчающихся на пути изслѣдователя. Неизвѣстенъ въ точности даже годъ ея смерти: Карабановъ относитъ ее къ 1821 году [1]), историкъ рода Голицыныхъ—къ 1824 году [2]), а графъ Андрей Ростопчинъ—къ 1819 г., свидѣтельствуя, что графиня Варвара Николаевна скончалась во Франціи, въ Монпелье, за годъ до смерти мужа, графа Н. Н. Головина, умершаго въ 1820 году [3]). Мы принимаемъ послѣднее извѣстіе, какъ самое вѣроятное.

Огромное состояніе Головиныхъ постигла печальная участь. Графъ Н. Н. Головинъ велъ вообще разсѣянную, открытую жизнь, а графиня Варвара Николаевна немало, конечно, помогала іезуитамъ и всякаго рода эмигрантамъ, хотя и умалчиваетъ объ этомъ по скромности. Виже-Лебренъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ царствованіе императора Павла, когда она была въ Петербургѣ и посѣщала Головиныхъ, графъ Н. Н. Головинъ занималъ иногда крупныя суммы у своего управляющаго, на видъ простого мужика, для расплаты съ долгами; разумѣется, что и управляющій пользовался за это бо̀льшими выгодами, чѣмъ одной высокой честью, какъ наивно думала графиня, отобѣдать со своимъ принципаломъ [4]). Это было какъ разъ въ то время, когда князь А. И. Вяземскій писалъ, что у графа Н. Н. Головина 100.000 тысячъ руб. въ годъ дохода [5]). Разумѣется, что съ теченіемъ времени дѣла Головиныхъ запутывались еще болѣе, долги возростали. Поэтому, по кончинѣ отца въ 1821 году, графиня Фредро и графиня Потоцкая исходатайствовали себѣ, для ликвидаціи дѣлъ по наслѣдству, необычайное право—разыграть всѣ недвижимыя имѣнія графа Н. Н. Головина, въ томъ числѣ извѣстное село Воротынецъ Нижегородской губерніи, въ лотерею. Всѣ имѣнія оцѣнены были въ $8^1/_2$ милліоновъ рублей; въ одномъ Воротынцѣ съ деревнями считалось 4.108 душъ при 34.000 десятинъ земли съ богатыми рыбными ловлями, великолѣпной усадьбой, садами

---

[1]) «Русская Старина» («Статсъ-дамы» и проч.), 1871, I, 48; X, 395.

[2]) «Родъ князей Голицыныхъ», 163.

[3]) «Materiaux» etc., 411.

[4]) «Souvenirs» etc., I, 349. — «Однажды, разсказываетъ г-жа Лебренъ, когда я пріѣхала обѣдать къ графу Головину, я застала въ залѣ высокаго и доброднаго человѣка, который имѣлъ видъ простого мужика. Когда доложили объ обѣдѣ, этотъ человѣкъ сѣлъ съ нами за столъ. Это показалось мнѣ до того необыкновеннымъ, что я потихоньку спросила графиню: кто это такой? «Это управляющій моего мужа», — отвѣчала она: «онъ только что далъ графу взаймы 60 тысячъ рублей, чтобы намъ можно было расплатиться съ нѣкоторыми долгами; такое одолженіе со стороны управляющаго стоитъ обѣда, которымъ мы его накормимъ».

[5]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 382.

и большой паровой мельницей, что̀ было въ ту пору чрезвычайною рѣдкостью, почти чудомъ [1]). Неизвѣстно, какую прибыль отъ этой лотереи получили наслѣдницы, хотя всѣ билеты на 8.500.000 рублей были распроданы [2]). Головинская дача, любимое мѣстопребываніе графини В. Н. Головиной (на Невѣ, у Строганова моста, у впаденія въ Неву Черной рѣчки) еще ранѣе куплена была императрицей Маріей Ѳеодоровной для Петербургскаго воспитательнаго дома.

Итакъ, отъ Головиныхъ въ Россіи не осталось ничего: кажется, даже портрета В. Н. Головиной нигдѣ не находится [3]). Но В. Н. Головина сама соорудила себѣ памятникъ, написавъ свои «Записки». Судьба этихъ «Записокъ» такъ же замѣчательна, какъ и судьба ихъ автора: 80 лѣтъ оригиналъ лежитъ гдѣ-то за границей подъ спудомъ, и это—въ то время, когда русская наука, въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ, собираетъ всевозможные матеріалы для уясненія русской исторіи за вторую половину XVIII вѣка, и когда мы дорожимъ каждой строчкой правдиваго, искренняго современника Екатерины и Павла. Показанія современниковъ, это—отголосокъ былой жизни, когда-то бившей ключемъ, это открытыя части картины прошедшаго, съ которой мы стараемся снять завѣсу. Есть свѣтила, настолько удаленныя отъ земли, что лучи свѣта отъ нея доходятъ до нихъ чрезъ сотни лѣтъ, такъ что съ нихъ можно было бы, будь соотвѣтствующіе оптическіе аппараты, наблюдать жизнь земли за 200, 300 лѣтъ тому назадъ, видѣть, напримѣръ, Петра Великаго «среди топи блатъ» основывающаго Петербургъ. Эта фантастическая возможность становится реальною, когда мы слышимъ голосъ современника, и чѣмъ болѣе слышимъ этихъ голосовъ, тѣмъ яснѣе и реальнѣе дѣлается картина родной нашей старины.

Въ послѣднее время выражено было мнѣніе, что, къ сожалѣнію, накопленныя груды историческаго матеріала не становятся попутно предметомъ историческаго изслѣдованія, но, сколько намъ извѣстно, крупныя историческія работы по XVIII вѣку иногда являются мало производительными именно вслѣдствіе недостатка матеріала: существуютъ историческіе труды, которые, почти тотчасъ же по появленіи своемъ въ свѣтъ, оказывались устарѣвшими именно вслѣдствіе внезапнаго появленія на свѣтъ Божій матеріаловъ, о существованіи которыхъ даже не догадывались ранѣе. Понятно, поэтому, что русскій историкъ бережетъ силы и время, такъ какъ каждый серьезный трудъ

---

[1]) Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, 103—104.

[2]) Дѣла комиссіи по долгамъ графа Головина и по лотереѣ его имѣній находятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», 1, 420). Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая съ ними познакомиться, хотя, несомнѣнно, въ нихъ есть навѣрно любопытные документы о В. Н. Головиной. Было бы интересно знать, между прочимъ, нѣтъ ли въ дѣлахъ комиссіи фамильныхъ документовъ или бытовыхъ подробностей о Головиныхъ.

[3]) Виже-Лебрёнъ, знаменитая портретистка своего времени, упоминаетъ объ одномъ портретѣ Головиной своей работы. «Souvenirs» etc., II, 371.

его есть работа и каменщика, и архитектора въ одно и то же время, и часто притомъ работа впотьмахъ. Оттого, мнѣ кажется, было бы справедливѣе сказать, что мы до сихъ поръ мало знаемъ свою исторію, да и не будемъ хорошо знать до тѣхъ поръ, пока не мы владѣемъ историческимъ матеріаломъ, а онъ властвуетъ надъ нами, подавляя насъ своей безформенной, неупорядоченной грудой. Вотъ почему русскому историку приходится работать гораздо больше и все-таки менѣе производительно, чѣмъ историку западному: на Западѣ всѣ историческіе матеріалы въ большинствѣ случаевъ разобраны и классифицированы, критика текста составляетъ тамъ удѣлъ однихъ лицъ, а критика историческая и изслѣдованіе эпохи—удѣлъ другихъ; между тѣмъ, у насъ, въ Россіи, историкъ долженъ самъ отыскивать матеріалы, пригодные для его работы,—дѣлать кирпичи для возводимаго имъ зданія, онъ же самъ приготовляетъ для нихъ цементъ, самъ наконецъ слагаетъ зданіе. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ зданіи этомъ часто оказываются трещины; часто историческое зданіе, съ трудомъ возведенное, оказывается построеннымъ на пескѣ или остается недостроеннымъ, бросаясь въ глаза всѣмъ, интересующимся русской исторіей, своимъ безобразнымъ фасадомъ или одиноко торчащей трубою. Историческая мысль у насъ прогрессировала и отчасти прогрессируетъ главнымъ образомъ въ области теоретическихъ построеній, сообразно вѣяніямъ времени, но для людей науки остается открытымъ одинъ лишь вопросъ о томъ, всегда ли эти построенія должнымъ образомъ фактически обоснованы.

«Записки» Головиной, въ нѣсколькихъ копіяхъ съ французскаго оригинала, извѣстны весьма немногимъ лицамъ, сообщившимъ небольшіе отрывки изъ нихъ во всеобщее свѣдѣніе какъ бы для того только, чтобы подразнить законное любопытство читателей. Прежде всего, выдержки изъ «Записокъ», въ переводѣ на русскій языкъ, привелъ въ своихъ сочиненіяхъ кн. П. А. Вяземскій [1]), а затѣмъ, весьма недавно онѣ появились въ изданіяхъ гр. С. Д. Шереметева [2]) и, какъ цитаты, въ сочиненіяхъ г. Бильбасова [3]) и Шумигорскаго [4]). Во Франціи, вѣроятно, изъ іезуитскаго источника также обнародованы два небольшихъ отрывка изъ «Записокъ» за подписью: одинъ—гр. Фицтума, а другой — маркиза Коста де-Борегара [5]); онѣ перева-

---

[1]) Кн. П. А. Вяземскій: «Полное собраніе сочиненій», VIII, 84—88.

[2]) «Отголоски XVIII в.», VI, и «Архивъ села Михайловскаго», I, LXXIV, LXXV.

[3]) Бильбасовъ: «Исторія Екатерины II», I, 246, II, 456 и слѣд., XII, ч. 2-я, 497—499, 528.

[4]) Шумигорскій: «Екатерина Ивановна Нелидова», passim.

[5]) Catherine II d'après des memoires inédits. Par le comte Vitzthum. Paris. 1890.—La mort de l'empereur Paul I. Par m-r le marquis Costa de Beauregard. Paris. 1896. (Revue d'histoire diplomatique, X, 360).

дены были на русскій языкъ г. Шильдеромъ и напечатаны въ «Русской Старинѣ» по поводу исполнившагося столѣтія со дня кончины Екатерины II [1]), г. Майковымъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» [2]) и г. Бартеневымъ въ «Русскомъ Архивѣ» [3]). Мы сдѣлали переводъ «Записокъ» съ доставшейся намъ копіи съ нихъ, вполнѣ совпадающей своими частями съ напечатанными уже отрывками изъ французскаго оригинала, такъ какъ нѣтъ никакой надежды на то, чтобы владѣльцы оригинала напечатали его хотя бы въ отдаленномъ будущемъ: графъ Фицтумъ и маркизъ де-Борегаръ, печатая свои отрывки, не назвали даже автора ихъ, графиню В. Н. Головину, ссылаясь на данное кому-то обѣщаніе не обнаруживать его имени. Невозможно предполагать, чтобы такое условіе могли поставить потомки Головиной по женской линіи, если они существуютъ... 80 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ кончины гр. В. Н. Головиной, и пора наконецъ русскому обществу познакомиться съ нерукотворнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ себѣ нашей благородной и симпатичной соотечественницей, пора ея имени стать на ряду съ именами знаменитыхъ русскихъ женщинъ-мемуаристокъ XVIII в.: Натальи Долгорукой, Екатерины II и княгини Дашковой.

Сама графиня Головина была весьма скромнаго мнѣнія о своихъ запискахъ и не хотѣла дать имъ громкаго названія мемуаровъ: «онѣ, говоритъ она, содержатъ лишь скромныя воспоминанія о царствованіи Екатерины II, Павла I и его сына Александра». Дѣйствительно, рамки ея записокъ довольно узки: мало интересуясь общими и политическими вопросами, она излагаетъ преимущественно только тѣ факты, которые такъ или иначе касались особъ, къ которымъ питали привязанность, такъ что «Записки» Головиной не имѣютъ даже автобіографическаго характера, не представляя почти никакихъ свѣдѣній о ея семействѣ и о ея жизни во всемъ ея цѣломъ. Предъ читателями являются три центральныя фигуры ея воспоминаній: Екатерина II, императрица Елисавета Алексѣевна и принцесса де-Тарантъ, къ которымъ Головина питала любовь, доходившую до обожанія. Искренность и правдивость Головиной не подлежатъ сомнѣнію: о фактахъ, которые ей не нравились, она молчитъ, но не потому, чтобы она сознательно хотѣла извращать истину, а просто потому, что ей тяжело, непріятно о нихъ вспоминать и говорить; зато все, о чемъ она говоритъ, она дѣйствительно видѣла или слышала, придавая слышанному полную вѣру. Такимъ образомъ, личная жизнь Головиной, ея личныя свойства, достаточно ясно опредѣляютъ содержаніе ея «Записокъ», но на объемъ его, кромѣ того, повліяло и др. случайное обстоятельство. Проживъ большую половину жизни и желая возобновить въ памяти подробности о сноше-

---

[1]) «Русская Старина», 1896, XI, 472—480.
[2]) «Русское Обозрѣніе», III, 811.
[3]) «Русскій Архивъ», 1890, II, 281, 1897, II.

ніяхъ своихъ съ любимыми лицами, Головина начала писать свои «Записки» лишь для себя одной, но объ этой ея работѣ узнала императрица Елисавета и пожелала познакомиться съ нею. Начало «Записокъ» (объ екатерининскомъ времени) встрѣтило одобреніе императрицы, и, приглашая Головину продолжать «Записки», она просила ее сообщать ей ихъ и впредь. Легко понять, что это желаніе императрицы Елисаветы Алексѣевны побудило Головину вводить въ свои воспоминанія по преимуществу или тѣ факты, которые касались императрицы, или тѣ, на которые Головина желала обратить ея вниманіе. Поэтому время царствованія Павла I, когда Елисавета Алексѣевна испытывала сильныя огорченія въ семейномъ быту и когда Головина находилась въ Петербургѣ, является наиболѣе полной и любопытной частью ея «Записокъ», также заслужившей полное одобреніе императрицы. Но пребываніе графини за границей, ея сношенія съ обитательницами Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и патерами не могли въ то время интересовать государыню, вообще чуждавшуюся Франціи и не любившую французовъ ни стараго, ни новаго поколѣнія, и она дала замѣтить это графинѣ Головиной; съ другой стороны, Головина не могла уже писать о придворныхъ событіяхъ и о русской современной жизни съ тою же подробностію, какъ прежде, такъ какъ ея «воспоминанія» хронологически превращались уже въ «дневникъ» или, точнѣе, въ «лѣтопись», въ которой уже неудобно было доводить до свѣдѣнія государыни о лицахъ и событіяхъ. Это было причиной того, что послѣдняя часть записокъ Головиной, обнимающая собою время съ 1805 по 1807 годъ, является наиболѣе краткой, до лаконизма, несмотря на важность происходившихъ въ то время событій; но, при всей своей краткости, нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя Головиной даже въ этой части, чрезвычайно интересны по своему исключительному значенію.

Головина писала для себя и императрицы, которую она чрезвычайно любила: слѣдовательно, она не хотѣла и не могла сочинять; одобреніе императрицы придаетъ «Запискамъ» Головиной также особую цѣну, такъ какъ служитъ во многихъ отношеніяхъ мѣриломъ чувствъ и мнѣній самой государыни. Но правдивость Головиной не можетъ быть гарантіей достовѣрности фактовъ, о которыхъ она передаетъ по слуху; точно также ея точка зрѣнія на происходившія предъ ея глазами событія, ея оцѣнка лицъ, съ которыми ей приходилось встрѣчаться,—не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности: впечатлительный авторъ «Записокъ», съ одной стороны, слишкомъ увлекался своими симпатіями и антипатіями, а съ другой — склоненъ былъ смотрѣть на вещи исключительно съ моральной и житейски-мелочной точки зрѣнія. Политическую и общественную жизнь графиня Головина знала очень мало и поэтому не понимала сокровеннаго смысла даже тѣхъ событій, въ которыхъ принимала непосредственное участіе, и отъ которыхъ часто страдала, хотя въ корен-

ной причинѣ своихъ страданій не могла дать себѣ отчета. Придворныя интриги были чужды Головиной, и она, напримѣръ, положительно увѣряетъ, что императрица Екатерина не думала лишать Павла Петровича правъ на престолонаслѣдіе, хотя, вѣроятно, охлажденіе къ Головиной великаго князя Александра и великой княгини Маріи Ѳеодоровны вызвано было именно особымъ вниманіемъ Екатерины къ Головиной въ то время, когда, противодѣйствуя планамъ императрицы, они отстраняли отъ себя всѣхъ преданныхъ императрицѣ лицъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Запискамъ» мы дѣлаемъ иногда оговорки къ подобнымъ неумышленнымъ ошибкамъ Головиной, но подобныя ошибки являются лишь новымъ доказательствомъ чистоты ея сердца и порукой въ ея безупречно-искреннемъ образѣ дѣйствій въ испорченной нравственно придворной средѣ конца XVIII вѣка.

Фактическая часть «Записокъ» Варвары Николаевны Головиной не исчерпываетъ, однако, ихъ значенія. Во всѣхъ правдиво написанныхъ, не сочиненныхъ мемуарахъ нужно отличать душу ихъ отъ тѣла; факты—это тѣло мемуаровъ, а душу ихъ составляетъ неуловимый, но ясно чувствуемый отпечатокъ эпохи во всѣхъ разсужденіяхъ автора, въ его образѣ мыслей и чувства, во всѣхъ подробностяхъ излагаемыхъ фактовъ и манерѣ ихъ изложенія, и чѣмъ мельче какой либо фактъ, чѣмъ онъ обыденнѣе, тѣмъ ближе, намъ кажется, соприкасаемся мы съ недавней стариною. Отъ «Записокъ» Головиной вѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэзіей: многія изъ нарисованныхъ ею картинъ быта и нравовъ просятся на полотно или на страницы художественнаго историческаго романа. Впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ «Записокъ», такое же чистое, какъ чиста нравственная личность ихъ автора, умѣвшаго любить и не находившаго въ себѣ силъ для вражды.

Въ «Запискахъ» своихъ гр. Головина упоминаетъ нѣсколько разъ о художественныхъ своихъ работахъ. Извѣстенъ, между прочимъ, ея рисунокъ: Екатерина, сидящая въ Царскосельской Камероновской колоннадѣ. На экземплярѣ гравюры съ этого рисунка, принадлежавшемъ гр. Д. А. Толстому, помѣчено внизу перомъ: «Catherine II, dessinée par Mad-e la Comtesse Golowine». По отзыву Д. А. Ровинскаго, рисунокъ этотъ — «очень характерный и схожій профиль Екатерины» [1]). Въ драгоцѣнной своей коллекціи П. Я. Дашковъ успѣлъ сохранить для потомства нѣсколько другихъ работъ Головиной. Если за границей сохранились еще другіе рисунки Головиной, то нельзя не выразить желанія, чтобы они нашли себѣ мѣсто въ русскомъ національномъ музеѣ — императора Александра III, точно такъ же, какъ бумаги ея вполнѣ прилично было бы хранить въ другой русской сокровищницѣ — въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Евгеній Шумигорскій.

---

[1]) Д. А. Ровинскій: «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», II, 856, № 342, IV, 393.

I.

Дѣтство графини В. Н. Головиной, урожденной княжны Голицыной.—Поѣздка въ Петербургъ.—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.—Семейныя событія и переселеніе въ Петербургъ.—Графъ Н. Н. Головинъ.—Придворная жизнь.—Пожалованіе фрейлиной.—Возвращеніе гр. Головина изъ-за границы.—Замужество.—Милости къ графинѣ Головиной императрицы Екатерины и великой княгини Маріи Ѳеодоровны.—Несчастные роды гр. Головиной.

Есть ранняя эпоха въ нашей жизни, о прошедшихъ моментахъ которой всегда вспоминаютъ съ грустью, — эпоха, когда все способствуетъ нашей самоудовлетворенности: здоровье юности, свѣжесть впечатлѣній, естественная живость, которая владѣетъ нами; ничто тогда не кажется невозможнымъ. Всѣ эти способности мы употребляемъ на то только, чтобы наслаждаться жизнію всевозможными способами. Предметы проходятъ предъ нашими глазами, мы разсматриваемъ ихъ съ большимъ или меньшимъ интересомъ; бываютъ такіе, которые поражаютъ наше вниманіе, но мы слишкомъ увлекаемся ихъ разнообразіемъ, чтобы въ нихъ вдумываться. Никогда мы не можемъ сосредоточиться на чемъ нибудь одномъ. Воображеніе, чувствительность, которыя наполняютъ наше сердце, эти душевныя движенія, которыя даютъ себя чувствовать для того, чтобы смущать насъ, и которыя какъ бы предваряютъ насъ, что они должны господствовать надъ нами,—всѣ эти различныя чувства волнуютъ, тревожатъ насъ, а мы не можемъ разобраться ни въ одномъ изъ нихъ... Вотъ что я испытывала, вступая въ свѣтъ, въ ранней своей молодости!

Мое дѣтство протекло почти все въ деревнѣ: мой отецъ, князь Голицынъ [1]), любилъ жить въ готическомъ замкѣ, пожалованномъ царицами его предкамъ [2]) Мы оставляли городъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и возвращались туда только въ ноябрѣ. Моя мать была небогата, и потому не могла дать мнѣ блестящаго образованія [3]). Я съ ней почти не разлучалась: своей добротой и ласками она вполнѣ пріобрѣла мое довѣріе; я не ошибусь, если скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ я стала говорить, я отъ нея ничего не утаивала. Она позволяла мнѣ свободно бѣгать повсюду одной, стрѣлять изъ лука, спускаться съ холмика, перебѣгать черезъ равнину до рѣчки, окай-

---

[1]) Кн. Николай Ѳедоровичъ, генералъ-поручикъ, род. 2 декабря 1728 г., ум. 30 марта 1780 г. Съ 8 октября 1749 г. жен. на Прасковьѣ Ивановнѣ Шуваловой.

[2]) Село Петровское, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, при впаденіи Истры въ Москву.

[3]) Княгиня Прасковья Ивановна Голицына (род. 10 октября 1734 г., ум. въ 1802 г.), родная и любимая сестра мецената Ивана Ивановича Шувалова, любимца императрицы Елисаветы. Безкорыстно привязанный къ государынѣ, Шуваловъ не воспользовался своимъ значеніемъ, какъ другіе фавориты, чтобы обогатить себя и своихъ близкихъ.

мляющей ее, гулять по опушкѣ лѣса, куда выходили окна комнаты моего отца, влѣзать на старый дубъ, около самаго дома, и срывать съ него жолуди; но зато мнѣ строго запрещалось лгать, клеветать на кого нибудь, невнимательно относиться къ несчастнымъ, презирать нашихъ сосѣдей, людей бѣдныхъ, грубоватыхъ, но добрыхъ. Какъ только мнѣ минуло восемь лѣтъ, моя мать стала нарочно оставлять меня съ ними одну, чтобы я пріучилась занимать ихъ; она уходила, чтобы работать на пяльцахъ, въ сосѣдній кабинетъ, откуда могла, не стѣсняя насъ, слышать весь нашъ разговоръ. Уходя, она говорила мнѣ на ухо: «повѣрь, мое дорогое дитя, что нельзя проявить больше любезности, какъ принуждая себя къ ней, и нельзя выказать болѣе ума, какъ въ то время, когда примѣняются къ пониманію другихъ»,—священныя слова, которыя принесли мнѣ большую пользу и научили меня никогда ни съ кѣмъ не скучать!

Я бы желала обладать талантомъ для того, чтобы описать наше жилище, которое является однимъ изъ красивѣйшихъ мѣстечекъ въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ готическій замокъ имѣлъ четыре башенки; во всю длину фасада тянулась галлерея, боковыя двери которой соединяли ее съ флигелями; въ одномъ изъ нихъ помѣщались моя мать и я, въ другомъ—мой отецъ и пріѣзжавшіе къ намъ гости. Вокругъ замка разстилался громадный красивый лѣсъ, окаймлявшій равнину и спускавшійся, постепенно суживаясь, къ сліянію Истры и Москвы. Въ треугольникѣ воды, образовавшемся этими двумя рѣками, отражались золотые лучи заходящаго солнца; видъ былъ чудесный. Я въ это время садилась одна на ступенькѣ галлереи, съ жадностью любуясь этимъ прекраснымъ пейзажемъ. Взволнованная, растроганная, я приходила въ особое молитвенное настроеніе духа и убѣгала въ нашу старинную готическую церковь, становилась на колѣни въ одномъ изъ маленькихъ углубленій, въ которыхъ когда-то молились царицы; священникъ одинъ тихимъ голосомъ служилъ вечерню, одинъ пѣвчій отвѣчалъ ему. Я стояла съ наклоненной головой, часто заливаясь слезами. Все это можетъ показаться преувеличеннымъ, но я и упоминаю объ этомъ лишь потому, что все это истинная правда, и потому, что я убѣждена по собственному опыту, что въ насъ существуютъ предрасположенія, которыя проявляются въ насъ еще въ ранней юности и которыя безхитростное воспитаніе развиваетъ тѣмъ легче, что вся его сила заключается въ естественномъ развитіи природныхъ задатковъ. Въ это время я имѣла несчастіе потерять восемнадцатилѣтняго брата [1]); онъ былъ красивъ и добръ, какъ ангелъ. Моя мать была удручена

---

[1]) Князя Ивана Николаевича Голицына, гвардіи капрала (род. 1759 г., ум. 1777 г.). Въ изслѣдованіи: «Родъ кн. Голицыныхъ» (Спб., 1892 г.), годъ смерти И. Н. Голицына ошибочно показанъ 1780-й.

этимъ горемъ; мой старшій братъ [1]), находившійся въ это время съ дядей, Шуваловымъ [2]), во Франціи, пріѣхалъ утѣшать ее. Я была въ восторгѣ отъ его пріѣзда: я жаждала знаній, умственныхъ занятій, я осыпала его вопросами, которые очень его забавляли; я питала настоящую страсть къ искусствамъ, не имѣя о нихъ понятія.

Скоро мы поѣхали въ Петербургъ, для свиданія съ дядей, возвратившимся на родину послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія; тогда мнѣ было десять лѣтъ, такъ что я была для него совершенно новымъ знакомствомъ, тѣмъ болѣе интереснымъ, что я представляла полную противоположность всѣмъ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ онъ видѣлъ до сихъ поръ. У меня не было тѣхъ изящныхъ манеръ, какими обыкновенно обладаютъ молоденькія барышни; я любила прыгать, скакать, говорить, что мнѣ приходило въ голову. Дядя меня очень полюбилъ. Нѣжныя чувства, которыя онъ питалъ къ моей матери, усиливали его чувства ко мнѣ; это былъ рѣдкій человѣкъ по своей добротѣ. Онъ пользовался большимъ значеніемъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и былъ съ того времени покровителемъ искусствъ. Екатерина II отнеслась къ нему также съ особеннымъ вниманіемъ, довѣрила его управленію Московскій университетъ, пожаловала ему званіе оберъ-камергера и орденъ св. Андрея Первозваннаго и св. Владиміра, приказала омеблировать весь его домъ и сдѣлала ему честь у него отужинать. Онъ былъ прекраснымъ братомъ и для дѣтей своей сестры настоящимъ отцомъ. Мать моя любила его, кажется, больше своей жизни. Онъ привезъ изъ-за границы множество самыхъ изящныхъ античныхъ произведеній искусства, при видѣ которыхъ у меня глаза разгорѣлись отъ восхищенія; мнѣ хотѣлось срисовать все, дядя любовался моимъ восторгомъ и поощрялъ мои художественныя наклонности.

Хотя наше пребываніе въ столицѣ было непродолжительно, но я успѣла многое увидѣть и многому научиться. То былъ какъ разъ годъ рожденія великаго князя Александра; у всѣхъ вельможъ устроивались по этому случаю пышныя празднества, на которыхъ присутствовалъ дворъ. У княгини Репниной [3]) былъ устроенъ маскиро-

---

[1]) Князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ по прозвищу «gentil cavalier», извѣстный впослѣдствіи кураторъ Московскаго университета, тайный совѣтникъ (род. 1751 г., ум. 5 дек. 1827 г.). Подобно сестрѣ, также оставилъ послѣ себя записки («Русскій Арх.», 1874 г., I). Любимый племянникъ Шувалова, кн. Ѳ. Н. Голицынъ воспринялъ отъ него любовь къ просвѣщенію и былъ однимъ изъ выдающихся представителей типа l'homme des lettres русскаго общества второй половины XVIII в.

[2]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оберъ-камергеръ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, основатель Московскаго университета и академіи художествъ (род. 1727 г., ум. 1797 г.).

[3]) Княгиня Наталья Ивановна, урожд. Куракина (род. 1737 г., ум. 1794 г.), жена знаменитаго дипломата и полководца Екатерининскаго вѣка, кн. Николая Васильевича (род. 1734 г., ум. 1801 г.). Вторая дочь Репниныхъ, княжна Прасковья Николаевна (ум. 1784 г.), вскорѣ затѣмъ вышла замужъ за брата гр. Головиной, князя Ѳедора Николаевича Голицына.

ванный балъ, на которомъ была устроена кадриль изъ сорока паръ, одѣтыхъ въ испанскіе костюмы, составленныхъ изъ дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей наиболѣе замѣтныхъ и красивыхъ; для большаго разнообразія фигуръ кадрили прибавили четыре пары дѣтей отъ 11—12 лѣтъ. Такъ какъ одна изъ этихъ маленькихъ танцорокъ заболѣла за 4 дня до празднества, то княгиня Репнина пришла вмѣстѣ съ дочерьми умолять мою мать позволить мнѣ замѣнить эту дѣвочку. Моя матушка всячески увѣряла, что я едва умѣю танцовать, что я маленькая дикарка, но всѣ увѣренія были безуспѣшны: пришлось согласиться, и меня повели на репетицію. Мое самолюбіе заставляло меня быть внимательной: тогда какъ другія танцорки, уже умѣвшія танцовать, или, по крайней мѣрѣ, увѣренныя въ этомъ, репетировали довольно небрежно, я старалась не терять ни одной минуты. Оставалось всего двѣ репетиціи, и я своимъ дѣтскимъ умомъ старалась обдумать все, чтобы какъ можно меньше уронить себя на своемъ первомъ выходѣ на свѣтское поприще. Я рѣшила нарисовать фигуру кадрили на полу у себя дома и танцовать, напѣвая мотивъ танца, который я запомнила. Это мнѣ прекрасно удалось, а когда наступилъ торжественный день, я снискала всеобщее одобреніе. Императрица была ко мнѣ очень милостива, великій князь показалъ ко мнѣ особое благоволеніе, которое продолжалось потомъ 16 лѣтъ, но, какъ и все, эта благосклонность измѣнилась, о чемъ я впослѣдствіи скажу подробно.

Императрица приказала дядѣ привезти меня въ собраніе маленькаго эрмитажа; я отправилась туда въ сопровожденіи дяди и матери. Общество, собравшееся тамъ, состояло только изъ старыхъ фельдмаршаловъ и генералъ-адъютантовъ, которые также почти всѣ были старики, графини Брюсъ, статсъ-дамы, бывшей подругою императрицы, фрейлинъ, дежурныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ. Мы ужинали за столомъ съ механизмомъ (table à machine): тарелки спускались по шнурку, придѣланному къ столу, подъ тарелками лежала грифельная доска съ грифелемъ, на которой отмѣчали то кушанье, которое желали, тянули за шнурокъ, и черезъ нѣкоторое время тарелка возвращалась съ потребованнымъ блюдомъ. Я была въ восхищеніи отъ этой маленькой забавы, и шнурокъ не переставалъ дѣйствовать.

Я совершила два раза путешествіе въ Москву. Послѣ смерти моего отца, моя мать переѣхала на жительство въ Петербургъ и остановилась въ домѣ дяди; мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Именно въ это время я увидѣла и замѣтила графа Головина [1]).

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ Головинъ, р. 1756 г., ум. въ 1820 г. Онъ правнукъ перваго по пожалованію графа въ Россіи, Петровскаго генералъ-адмирала, Ѳедора Алексѣевича Головина. Въ раннемъ дѣтствѣ Н. Н. Головинъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ цесаревича Павла Петровича, а вслѣдъ затѣмъ отправленъ былъ для довершенія образованія за границу. Умеръ въ 1820 г., въ званіи оберъ-шенка и члена государственнаго совѣта.

Я встрѣчала его въ домѣ его тетки фельдмаршальши Голицыной. Репутація почтительнаго сына и вѣрнаго подданнаго, благородство характера, которое онъ выказывалъ, произвели на меня впечатлѣніе; его красивая наружность, высокое происхожденіе, богатство, заставляли смотрѣть на него, какъ на завиднаго жениха. Онъ выдѣлялъ меня среди всѣхъ другихъ молодыхъ особъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ, и, хотя онъ не рѣшался сказать мнѣ этого, я его понимала и поспѣшила, прежде всего, сообщить объ этомъ моей матери, которая сдѣлала видъ, что не придаетъ дѣлу серьезнаго значенія. Она не хотѣла смущать моего перваго чувства; мой черезчуръ юный возростъ—съ одной стороны, путешествіе, которое графъ Головинъ долженъ былъ совершить по Европѣ, съ другой—давали ей средства испытать его чувства. Во время его отсутствія моя мать выказывала мнѣ трогательную нѣжность. Его сестра, г-жа Нелединская, фельдмаршальша [1]), выражала мнѣ участіе и всѣ знаки дружбы; я была чрезвычайно этимъ тронута, такъ какъ эти отношенія соотвѣтствовали тому серьезному чувству, которое начинало наполнять мое сердце.

Мнѣ нѣсколько разъ дѣлали предложеніе, но каждую партію, которую мнѣ предлагала моя мать, я тотчасъ отвергала: образъ графа Головина немедленно представлялся моему воображенію. Въ то время молодые люди были гораздо благороднѣе; молодой человѣкъ придавалъ большую цѣну браку. Въ то время не узаконяли побочныхъ дѣтей: во все царствованіе Екатерины II былъ только одинъ подобный случай съ Чесменскимъ [2]), сыномъ графа Алексѣя Орлова. Императоръ же Павелъ болѣе чѣмъ злоупотреблялъ своей властью въ этомъ отношеніи, поощряя, такимъ образомъ, распущенность нравовъ, которая совершенно подрывала основныя начала (principes) священныхъ семейныхъ узъ [3]).

Я продолжала бывать на малыхъ эрмитажныхъ собраніяхъ. Туда часто приходилъ великій князь Александръ, которому было тогда четыре года, и трехлѣтній братъ его, великій князь Константинъ;

---

[1]) Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая (р. въ 1754 г., ум. въ 1803 г.), урожд. Головина, жена дѣйств. тайнаго совѣтника (въ рангѣ фельдмаршала?) Александра Юрьевича Нелединскаго-Мелецкаго, во второмъ его бракѣ (р. въ 1729 г., ум. въ 1804 г.).

[2]) Александръ Алексѣевичъ, генералъ-майоръ.

[3]) Графиня Головина главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, конечно, слѣдующій указъ императора Павла, отъ 2-го января 1801 года, касавшійся ея мужа: «Воспитанникамъ д. т. с. графа Головина, Ѳедору Ловину, и д. ст. с. Ростопчина, Степану Явленскому, всемилостивѣйше жалуемъ дворянское Россійской имперіи достоинство»... По господствовавшему въ XVIII в. обычаю, побочныя дѣти вельможъ получали часто фамиліи своихъ отцовъ, но съ убавленіемъ перваго ихъ слога или буквы. Такимъ образомъ появились Бецкіе (Трубецкіе), Лицыны (Голицыны), Пнины (Репнины), Уракины (Куракины), Умянцевы (Румянцевы), Ловины (Головины) и т. д., и т. д.

туда приводили скрипачей, и начинались танцы; я попреимуществу была дамой великаго князя Александра. Однажды, когда нашъ маленькій балъ былъ оживленъ болѣе обыкновеннаго, великій князь, шедшій со мною въ полонезѣ, объявилъ мнѣ вдругъ самымъ серьезнымъ тономъ, какимъ только можетъ говорить ребенокъ въ его возростѣ, что онъ хочетъ повести меня въ крайніе аппартаменты дворца, чтобы показать мнѣ нѣчто ужасное; это меня очень заняло и смутило. Дойдя до самой послѣдней комнаты, онъ повелъ меня въ углубленіе, въ которомъ была помѣщена статуя Аполлона, которая своимъ античнымъ рѣзцомъ могла ласкать взоръ артиста, но видъ котораго могъ легко смутить дѣвочку, которая, къ счастью, была слишкомъ наивной, чтобы любоваться выдающимся произведеніемъ искусства въ ущербъ стыдливости. Я позволила себѣ упомянуть объ этомъ маленькомъ событіи для того, чтобы легче возстановить въ своей памяти все видѣнное мной при дворѣ. Я справедливо не признаю въ себѣ никакого особаго таланта и не могу писать мемуаровъ: они были бы недостаточно интересны, а потому мои записки можно назвать просто воспоминаніями, которыя для меня очень дороги и часто занимаютъ мои мысли. Сравненіе прошлаго съ настоящимъ бываетъ для насъ иногда очень полезно; прошлое есть какъ бы счетная книжка, къ которой нужно часто обращаться для того, чтобы имѣть правильное понятіе о настоящемъ и увѣренность въ будущемъ. На своемъ жизненномъ пути мнѣ приходилось встрѣчать чаще цвѣты, чѣмъ шипы, въ полномъ ихъ разнообразіи и богатствѣ. Я была счастлива; настоящее же счастіе устраняетъ равнодушіе и располагаетъ насъ принимать живое участіе въ счастіи другихъ. Несчастія же покрываютъ окружающіе насъ предметы облакомъ печали и напоминаютъ намъ о нашихъ собственныхъ страданіяхъ, пока Богъ, по своей безконечной милости, не дастъ намъ новаго направленія нашимъ чувствамъ и тѣмъ уничтожитъ прежнюю горечь.

Въ 16 лѣтъ я получила фрейлинскій шифръ, который имѣли всего 12 дѣвицъ, и ходила каждый день ко двору [1]). По воскресеньямъ было большое собраніе въ эрмитажѣ, на которое допускался весь дипломатическій корпусъ и особы первыхъ двухъ классовъ. Государыня входила въ залъ, гдѣ было собрано все общество, и вела бесѣду съ окружающими; затѣмъ всѣ слѣдовали за ней въ театръ, послѣ чего ужинъ никогда не подавался. По понедѣльникамъ былъ балъ и ужинъ у великаго князя Павла Петровича. По вторникамъ я дежурила вмѣстѣ съ другой фрейлиной; мы почти весь вечеръ проводили въ бриллiантовой комнатѣ, получившей свое названіе по множеству драгоцѣнныхъ вещей, находившихся въ ней;

---

[1]) Княгиня Варвара Николаевна Голицына пожалована фрейлиною въ 1782 г. ради заслугъ дяди своего, И. И. Шувалова.

между прочимъ, здѣсь были корона, скипетръ и держава. Императрица играла въ карты со своими старыми придворными. Двѣ дежурныя фрейлины сидѣли у стола, дежурные молодые люди занимали ихъ разговоромъ. Въ четвергъ было малое собраніе въ эрмитажѣ, балъ, спектакль и ужинъ, на которое иностранные министры не были приглашаемы, но они допускались въ воскресенье вечеромъ, также какъ и нѣкоторыя дамы, пользовавшіяся благоволеніемъ государыни. Въ пятницу я опять дежурила, а въ субботу у наслѣдника устроивался прелестный праздникъ, который начинался прямо со спектакля; какъ только ихъ императорскія высочества входили, представленіе начиналось; балъ, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, который подавался въ залѣ, гдѣ былъ спектакль; большой столъ находился посреди залы, маленькіе столы въ ложахъ. Великій князь и великая княгиня ужинали на ходу, принимая своихъ гостей въ высшей степени любезно. Послѣ ужина балъ возобновлялся и кончался очень поздно; гости разъѣзжались при свѣтѣ факеловъ, что производило очаровательный и своеобразный эффектъ на ледяной поверхности красавицы-Невы. Это время было самымъ блестящимъ для двора и для столицы; во всемъ была гармонія, великій князь видѣлся съ императрицей-матерью каждый день утромъ и вечеромъ. Онъ былъ допущенъ въ совѣтъ императрицы. Столица была мѣстомъ жительства всѣхъ знатнѣйшихъ фамилій. Общество отъ 30 до 40 человѣкъ ежедневно собиралось у фельмаршаловъ: Голицына [1]) и Разумовскаго [2]), у графа Панина, перваго министра [3]), котораго посѣщали часто великій князь и великая княгиня, и у вице-канцлера Остермана [4]). Здѣсь можно было встрѣтить множество иностранцевъ, являвшихся лицезрѣть великую Екатерину; дипломатическій корпусъ состоялъ изъ людей очень любезныхъ, и вообще общество производило самое благопріятное впечатлѣніе.

Въ 1786 году, около Пасхи, графъ Головинъ возвратился въ Россію послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Я отправилась во дворецъ, чтобы поздравить государыню съ Свѣтлымъ праздникомъ. Весь дворъ и вся городская знать собиралась въ этотъ день въ дворцовой церкви, которая была полна народомъ; дворцовая площадь была сплошь покрыта самыми изящными экипажами; дво-

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ (р. 1718 г., ум. въ 1783 г.), генералъ-фельдмаршалъ, побѣдитель при Хотинѣ.

[2]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, генералъ-фельдмаршалъ, никогда не служившій въ войскахъ, простой баловень фортуны, стяжалъ себѣ репутацію добродушнаго, но хитраго острослова.

[3]) Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, оберъ-гофмейстеръ, управлявшій коллегіею иностранныхъ дѣлъ, 31 марта 1783 года.

[4]) Остерманъ, Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ при Екатеринѣ, при Павлѣ уволенный отъ службы, р. въ 1725 г., ум. въ 1811 г.

рецъ утопалъ въ великолѣпіи: недаромъ народъ въ то время представлялъ себѣ его раемъ. Послѣ baise-main, мы всѣ отправились въ залу, гдѣ находились великій князь и великая княгиня, чтобы принести императрицѣ поздравленія. Едва я вошла въ эту комнату, какъ замѣтила своего будущаго мужа у окна; боязнь выдать себя увеличивала мое смущеніе. Чистая и истинная любовь всегда соединяется со скромностью; истинная нѣжность, это — сладкій сонъ безъ волненій, его пробужденіе спокойно; сожалѣнія и укоры совѣсти ей незнакомы: она соединяется съ уваженіемъ и дружбой. Счастлива та, которая испытываетъ это чувство; достойная, добрая мать даетъ ему направленіе. Пустота сердца грозитъ величайшими опасностями, сладостная пища является для него спасеніемъ. Чувства являются источникомъ жизни; это — ручей, который течетъ между бурными потоками и плодоносными, улыбающимися равнинами до океана, исчезая въ его безбрежномъ пространствѣ.

Я стала невѣстой въ іюнѣ мѣсяцѣ. Великая княгиня, которая осыпала меня знаками дружбы и доброты, написала мнѣ слѣдующую записку:

«Поздравляю васъ, дорогая крошка, по поводу счастливаго событія, которое установитъ ваши чувства и сдѣлаетъ васъ, надѣюсь, счастливой, согласно моимъ желаніямъ. Пользуйтесь полнымъ счастіемъ и будьте такой же хорошей и доброй женой, какимъ вы были добрымъ ребенкомъ. Пусть ваше чувство къ вашему жениху не помѣшаетъ любить вашего добраго друга. Марія.

«P. S. Цѣлую вашу maman и искренно поздравляю ее также, какъ и вашего дядю. Мой мужъ принимаетъ живое участіе въ вашемъ счастіи».

Девятнадцати лѣтъ я вышла замужъ, моему мужу было 29 лѣтъ [1]). Свадьба была отпразднована въ Зимнемъ дворцѣ, 4-го октября. Ея величество лично прикрѣпила бриллiанты къ моему платью. Надзирательница за фрейлинами, баронесса Мальтицъ, подала ихъ на подносѣ, государыня прибавила къ обыкновеннымъ драгоцѣннымъ камнямъ рогъ изобилія; этотъ знакъ вниманія со стороны ея величества не ускользнулъ отъ надзирательницы, которая меня любила и обратила на это мое вниманіе. «Ея величество была такъ добра», сказала она, «что она сама носила это украшеніе, и она дѣлаетъ это отличіе невѣстамъ, которыя ей болѣе всѣхъ нравились». Это замѣчаніе заставило меня покраснѣть отъ удовольствія и благодарности; государыня замѣтила мою робость и, взявъ меня слегка за подбородокъ, изволила сказать: «посмотрите на меня, да вы, въ самомъ дѣлѣ, недурны». Когда я встала, ея величество повела меня

---

[1]) Въ 1785 году. Этимъ показаніемъ опредѣляется время рожденія гр. Н. Н. Головина — 1756-й годъ, такъ какъ годъ его рожденія не могъ быть съ точностію опредѣленъ («Россійская родословная книга», кн. П. Долгорукова, III, стр. 111, «Родъ князей Голицыныхъ», 163, «Сборникъ И. Р. И. О.», LX, 164.).

въ свою спальню, подвела къ божницѣ, взяла икону, приказала мнѣ перекреститься и поцѣловать образъ. Я бросилась на колѣни, чтобы получить благословеніе отъ государыни, но ея величество обняла меня и съ взволнованнымъ видомъ и голосомъ сказала: «Будьте счастливы, я вамъ желаю этого отъ всего сердца, какъ мать и государыня, на которую вы можете всегда разсчитывать». И государыня сдержала свое слово: ея милость ко мнѣ безпрестанно возростала и продолжалась до самой ея кончины.

Двадцати лѣтъ я перенесла ужасные роды. На восьмомъ мѣсяцѣ беременности я заболѣла страшной корью, которая едва не свела меня въ могилу. Это случилось во время путешествія ея величества въ Крымъ: часть докторовъ находились въ свитѣ ея величества, остальные жили въ Гатчинѣ, во дворцѣ, въ которомъ великій князь Павелъ проводилъ часть лѣта, и такъ какъ маленькіе великіе князья и великія княжны, ихъ сестры, не болѣли еще совсѣмъ этой болѣзнью, то доктора, жившіе тамъ, не могли лѣчить меня.

Мнѣ оставалось обратиться къ полковому хирургу, который вогналъ болѣзнь внутрь; мое нездоровье отозвалось и на моемъ ребенкѣ. Я смертельно страдала. Графъ Строгановъ [1]), который былъ ко мнѣ очень привязанъ, отправился къ великой княгинѣ, чтобъ возбудить въ ней участіе къ моему положенію, и она тотчасъ послала ко мнѣ доктора и акушера. Мои страданія были такъ велики, что мнѣ дали опіуму, чтобы усыпить меня; пробудившись черезъ 12 часовъ послѣ этой летаргіи, я чувствовала себя слабой. Пришлось обратиться къ инструментамъ. Я терпѣливо перенесла эту жестокую операцію. Мой мужъ стоялъ возлѣ меня; я видѣла, что силы его покидаютъ, и боялась, что достаточно было одного моего крика, чтобы онъ лишился чувствъ. Ребенокъ умеръ черезъ 24 часа, но я узнала объ этомъ только спустя три недѣли. Сама я была при смерти, но я безпрестанно спрашивала о немъ; мнѣ постоянно отвѣчали, что волненіе, которое я испытывала бы при видѣ его, отозвалось бы вредно на моемъ здоровьѣ. Когда мнѣ стало лучше, великая княжна прислала ко мнѣ свою подругу г-жу Бенкендорфъ [2]) съ очень любезной запиской, которую я привожу здѣсь. «Поздравляю васъ, дорогая графиня, съ разрѣшеніемъ отъ бремени и молю Бога о скорѣйшемъ вашемъ выздоровленіи. Не теряйте надежды, моя крошка, и если Богу будетъ

---

[1]) Графъ Александръ Сергѣевичъ, оберъ-камергеръ, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта и президентъ академіи художествъ, р. 1738., † 1811 г.

[2]) Извѣстная подруга дѣтства императрицы Маріи Ѳеодоровны, Юліана, урожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ. По пріѣздѣ своемъ въ Россію выдана была замужъ за майора гатчинскихъ войскъ Христофора Бенкендорфа. Сынъ ея Александръ Христофоровичъ пожалованъ былъ графомъ и былъ первымъ шефомъ жандармовъ, а дочь Дарья Христофоровна, въ замужествѣ княгиня Ливенъ, прославилась своимъ умомъ и дипломатическими способностями. † 1797 г.

угодно, вы скоро будете только наслаждаться счастіемъ быть матерью и забудете о страданіяхъ, которыя вы перенесли. Г-жа Бенкендорфъ передастъ вамъ, какъ я васъ люблю.

«Вашъ добрый другъ

«Марія».

Во время моей болѣзни я получала очень лестныя и очень трогательныя выраженія сочувствія; безпрестанно заходили въ подъѣздъ нашего дома узнавать о моемъ здоровьѣ даже лица, которыхъ я не знала. Черезъ улицу отъ насъ жила г-жа Княжнина, которой я никогда не знала и не видѣла. Однажды вечеромъ у моего окна заигралъ шарманщикъ, она послала всю дворню, наконецъ сама побѣжала, чтобы заставить его замолчать, повторяя ему нѣсколько разъ, что нельзя играть такъ близко около молодой больной. Моя молодость, мое семейное счастье были причиной общаго ко мнѣ благоволенія. Моя свадьба, кажется, интересовала всѣхъ; всѣ любуются бракомъ по любви: старики принимаютъ въ этомъ участіе по воспоминаніямъ, а молодые люди по сравненію.

Я поправилась быстро, но тяжелое душевное настроеніе осталось у меня на продолжительное время: я долго не могла равнодушно слышать дѣтскаго крика; но заботы окружавшихъ меня друзей наконецъ успокоили меня.

Въ это время ея величество возвратилась изъ своего путешествія въ Крымъ; мой дядя, который сопровождалъ государыню, отнесся ко мнѣ съ чрезвычайною нѣжностью: онъ былъ такъ счастливъ видѣть меня воскресшей!

II.

Путешествіе императрицы Екатерины въ Крымъ.—Война съ Турціей.—Отъѣздъ графа Головина въ дѣйствующую армію.—Путешествіе графини Головиной въ Молдавію.—Гатчина.—Графъ Ланжеронъ.—Зоричъ въ Шкловѣ.—Пассекъ.—Пребываніе въ Кременчугѣ.—Новороссійскія степи.—Встрѣча Головиной съ мужемъ.—Пріѣздъ въ Яссы.—Кн. Долгорукова, г-жа Виттъ.—Кн. Потемкинъ и окружавшее его общество.—Праздникъ у кн. Потемкина.—Отъѣздъ Головиныхъ въ Петербургъ.

Путешествіе императрицы въ Крымъ было весьма замѣчательно, и мнѣ кажется, что оно было недостаточно прославлено. Ея величество сопровождали, между прочими, слѣдующія лица: англійскій посолъ Фитцъ-Гербертъ, впослѣдствіи лордъ Сентъ-Эленъ, французскій посолъ графъ де-Сегюръ, германскій посолъ [1]), графъ Шуваловъ, мой дядя [2]), графиня Протасова и графиня Браницкая.

---

[1]) Графъ Кобенцель.

[2]) И. И. Шуваловъ, по скромности своей, не принялъ отъ императрицы Елисаветы графскаго титула, которымъ пожалованы были дяди его Петръ Ивановичъ и Александръ Ивановичъ Шуваловы.

Князь Потемкинъ, выѣхавшій впередъ, приготовилъ для ея встрѣчи многочисленную стражу; государыня отказалась отъ нея. Императоръ Іосифъ, который скоро присоединился къ государынѣ, казалось, былъ болѣе чѣмъ удивленъ, что принято такъ мало предосторожностей для безопасности императрицы. Государыня ничего не возразила на его замѣчаніе, но слѣдующее событіе оправдало ея образъ дѣйствій. Вновь присоединенные татары встрѣтили ее съ восторгомъ. Экипажъ ея величества поднимался на крутую гору, лошади закусили удила, государынѣ угрожала опасность быть выброшенной изъ экипажа. Но мѣстные жители, сбѣжавшіеся встрѣтить свою повелительницу, бросились къ лошадямъ и успѣли остановить ихъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, другіе ранены, но воздухъ оглашался радостными криками. «Теперь я вижу,—сказалъ императоръ государынѣ,—что вы не нуждаетесь въ охранѣ».

Иностранные послы были въ восторгѣ отъ этого путешествія. Я вспомнила смѣшной анекдотъ, разсказанный мнѣ графомъ Кобенцелемъ. Государыня путешествовала въ шестимѣстномъ экипажѣ; съ ней вмѣстѣ находились императоръ, германскій посолъ и мой дядя. Другіе послы и двѣ дамы садились поперемѣнно. У государыни была прекрасная бархатная шуба, германскій посолъ восторгался этой шубой. «Моимъ гардеробомъ завѣдуетъ одинъ изъ моихъ лакеевъ», отвѣтила ему государыня: «онъ слишкомъ глупъ для другого занятія». Графъ Сегюръ по своей разсѣянности услышалъ только похвалу шубѣ и поспѣшилъ сказать: «каковъ господинъ, таковъ и слуга (tel maitre, tel valet)». Это вызвало общій смѣхъ. Въ тотъ же день за обѣдомъ государыня замѣтила шутя находившемуся постоянно при ней графу Кобенцелю, что ему, должно быть, утомительно находиться постоянно при ней. «On ne choisit pas ses voisins» (сосѣдей не выбираютъ), отвѣчалъ тотъ. Эта новая разсѣянность была принята съ такою же веселостью, какъ и первая. Послѣ ужина ея величество разсказывала этотъ анекдотъ. Лордъ Сентъ-Эленъ, выходившій на короткое время, вернулся, когда она кончала свой разсказъ. Присутствовавшіе выразили ему сожалѣніе, что онъ былъ лишенъ удовольствія его слышать. Государыня вызвалась разсказать снова анекдотъ. Но не успѣла она дойти до половины своего разсказа, какъ лордъ Сентъ-Эленъ заснулъ глубокимъ сномъ. «Недоставало только этого», сказала государыня, «для завершенія вашихъ любезностей: я совершенно удовлетворена».

Въ 1790 году, мой мужъ былъ пожалованъ въ полковники. Императрица дала ему полкъ, и онъ принужденъ былъ отправиться въ дѣйствующую армію [1]). Эта разлука для меня была очень тяжела: я едва оправилась послѣ родовъ и была очень слаба.

---

[1]) Вторая при Екатеринѣ война съ Турціей открылась тотчасъ по возвращеніи императрицы изъ ея путешествія въ Крымъ.

Отсутствіе моего мужа продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; возвратившись, онъ долженъ былъ снова покинуть меня. Онъ надѣялся вскорѣ вернуться ко мнѣ, но обстоятельства войны измѣнились. Не имѣя возможности вернуться въ Петербургъ и разсчитывая расположиться съ полкомъ на зимнія квартиры, онъ просилъ меня пріѣхать къ нему и прислалъ двухъ унтеръ-офицеровъ сопровождать меня. Это приказаніе было для меня очень пріятно, но радость была омрачена мыслію, что мой отъѣздъ причинитъ много горя моей матери.

Моя мать занялась приготовленіями къ отъѣзду, нашла врача, окружила меня всевозможными предосторожностями, прибавила къ моимъ двумъ спутникамъ еще третьяго, офицера, и заставила меня взять съ собой компаньонку, которая жила у нея въ домѣ. Это была прекраснѣйшая особа, но большая трусиха. Моя мать проводила меня до Царскаго Села; здѣсь я получила записку отъ брата, служившаго въ Гатчинѣ у великаго князя; онъ писалъ мнѣ, что великая княгиня требуетъ непремѣнно, чтобы я заѣхала проститься съ ней. Это было по дорогѣ, но я была въ дорожномъ костюмѣ; погода была холодная, а предстоявшее мнѣ путешествіе продолжительное и тяжелое. Такъ какъ ея императорское высочество желала непремѣнно видѣть меня въ дорожномъ платьѣ, то я должна была отбросить этикетъ въ сторону. Я пріѣхала, меня повели въ комнату г-жи Бенкендорфъ и чрезъ нѣсколько минутъ позвали къ великой княгинѣ; я вошла въ кабинетъ ея высочества, гдѣ она ждала меня. Она обняла меня и сказала много теплыхъ словъ по поводу моей супружеской привязанности; затѣмъ усадила меня за свой письменный столъ, приказавъ написать письмо моей матери, долго бесѣдовала, послала за великимъ княземъ, заставила его поцѣловаться со мной и наконецъ очень нѣжно распростилась.

И вотъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, полная здоровья и отваги, ѣхала я во весь опоръ въ Бессарабію. Недалеко отъ Витебска я вышла изъ экипажа, пока перепрягали лошадей; я вошла въ постройку, похожую на баракъ, гдѣ усѣлась на столъ, такъ какъ всѣ стулья были поломаны. Я приказала распустить нѣсколько плитокъ бульона, чтобы подкрѣпить силы. Вдругъ въ комнату съ шумомъ входитъ какой-то военный и передаетъ мнѣ письмо и толстый пакетъ. Я была въ восторгѣ, узнавъ на письмѣ почеркъ моей матери, и въ радости не замѣтила, кто его принесъ; но, оправившись отъ охватившаго волненія, я узнала графа Ланжерона, французскаго эмигранта[1]), который въ качествѣ волонтера отправлялся въ дѣйствующую армію. Я встрѣчалась съ нимъ въ Петербургѣ у графа Кобенцеля и у принцессы Нассауской. Поблагодаривъ его, я опять

---

[1]) Графъ Александръ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, р. 1753 г., ум. 1831 г. Оставилъ «Записки».

сѣла на столъ, чтобы продолжать свой завтракъ, за которымъ онъ внимательно слѣдилъ; я старалась доѣсть его поскорѣе, чтобы показать ему, что я вовсе не намѣрена дѣлить его съ нимъ, что я совсѣмъ не хотѣла его визита, и что онъ могъ уходить. Онъ такъ и сдѣлалъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта, и я слышала, какъ онъ потребовалъ себѣ, какъ можно скорѣе, молока; какой-то еврей тотчасъ принесъ ему большой кувшинъ молока съ огромнымъ кускомъ хлѣба, но такъ какъ онъ ѣлъ не садясь и все смотрѣлъ въ мою сторону, то это мнѣ наскучило, и я возвратилась въ свой экипажъ, который скоро былъ готовъ.

Пріѣхавъ въ Шкловъ, я торопилась продолжать путешествіе я знала, что мѣстный помѣщикъ Зоричъ [1]), человѣкъ очень любезный и склонный къ пышности, любилъ оказывать пріемъ маломальски извѣстнымъ путешественникамъ. Едва мы въѣхали во дворъ почтовой станціи, какъ я стала требовать лошадей, но въ это время неожиданно предъ дверцами моего экипажа появились графъ Ланжеронъ, который успѣлъ меня обогнать, и графъ Цукато [2]), оба завитые до ушей, въ пудермантеляхъ; они разсыпались въ извиненіяхъ, что явились въ такомъ смѣшномъ нарядѣ. Я не могла удержаться отъ смѣха, глядя на нихъ, но, чтобы сократить ихъ визитъ, пошла ожидать лошадей въ домъ въ глубинѣ двора, гдѣ, кромѣ меня, никого не было. Я только что сѣла къ окну, какъ услышала хлопанье кнута, и во дворъ въѣхалъ золоченый двухмѣстный экипажъ (vis-à-vis) въ роскошной упряжи; я содрогнулась, узнавъ въ немъ г-на Зорича, котораго я въ дѣтствѣ встрѣчала при дворѣ. Онъ на колѣняхъ сталъ умолять меня пріѣхать къ нему на обѣдъ; я употребляла все свое краснорѣчіе, чтобы отказаться отъ этого приглашенія, но ничто не могло поколебать его: пришлось сѣсть къ нему въ экипажъ и позволить везти себя къ его племянницамъ и оставаться у нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заѣдетъ за мной. Это требовалось приличіемъ: г. Зоричъ не былъ женатъ, и потому не позволилъ себѣ быть со мной tête-à-tête въ продолженіе двухъ часовъ, остававшихся до обѣда. Его племянницы были для меня совершенно новымъ знакомствомъ: я ихъ никогда не видѣла и не знала даже, какъ ихъ зовутъ. Онѣ готовили себѣ костюмы на балъ, который предполагался на слѣдующій день; онѣ сдѣлали мнѣ честь, спрашивая моего совѣта. Чтобы имъ угодить, я нарисовла имъ модели шляпъ, токовъ, платьевъ и наколокъ; онѣ были въ восхищеніи отъ меня: я показалась имъ прелестной. Въ назначенный часъ для обѣда г. Зоричъ пріѣхалъ за мной и предложилъ помѣ-

---

[1]) Семенъ Гавриловичъ, генералъ-адъютантъ Екатерины II, основатель кадетскаго корпуса въ Шкловѣ, переведеннаго потомъ въ Москву (нынѣ 1-й московскій кадетскій корпусъ), † 1799 г. Зоричъ былъ родомъ сербъ.

[2]) Графъ Евгеній Гавриловичъ, впослѣдствіи генералъ-майоръ, членъ военной коллегіи.

ститься въ его элегантномъ vis-à-vis, сѣвъ противъ меня. Мой нарядъ былъ совершенной противоположностью его костюму: на мнѣ была надѣта маленькая черная касторовая шляпа съ однимъ перомъ и синее пальто съ краснымъ воротникомъ; это были цвѣта мундира моего мужа; г. Зоричъ былъ въ прическѣ en ailes de pigeon, въ вышитомъ кафтанѣ; въ рукахъ онъ держалъ шляпу и былъ надушенъ, какъ султанъ. Я кусала губы, чтобы не разсмѣяться. Мы пріѣхали, и онъ тотчасъ повелъ меня въ залу, гдѣ было по крайней мѣрѣ 60 человѣкъ, изъ которыхъ я знала только трехъ: графа Ланжерона, графа Цукато и г-жу Энгельгардтъ [1]), племянницу князя Потемкина, очень красивую особу. Я завела съ ней бесѣду. Обѣдъ былъ продолжительный и утомительный по обилію блюдъ; я думала съ удовольствіемъ о времени, когда можно будетъ вырваться отсюда, но пришлось провести тамъ цѣлый день и даже ужинать. Наконецъ я уѣхала въ сопровожденіи десяти курьеровъ г. Зорича, которые должны были провожать меня со всевозможною скоростью до Могилева.

Я пріѣхала туда очень скоро, утомленная почестями, которыя мнѣ были оказаны. Мы подъѣхали къ почтовой станціи, очень красивому каменному двухэтажному дому; я вбѣжала наверхъ, перескакивая черезъ двѣ ступени, пробѣжала черезъ всѣ комнаты и въ послѣдней бросилась на диванъ, тотчасъ заснувъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудили въ семь часовъ утра, благодаря пріѣзду ко мнѣ губернатора [2]), который явился предложить свои услуги и осыпалъ меня разспросами о политическихъ дѣлахъ и о дворѣ. Я отвѣчала на всѣ его разспросы несвязно. Едва прекратился его визитъ, и я только что успѣла окончить свой туалетъ, какъ мнѣ доложили объ адъютантѣ г. Пассека [3]), могилевскаго губернатора и нашего дальняго родственника, который просилъ меня къ себѣ на обѣдъ въ деревню, находившуюся въ пяти-шести верстахъ отъ города, и предлагалъ свой экипажъ. Я согласилась; за мной была прислана двухмѣстная золоченая карета съ пятью зеркальными стеклами, запряженная четверкой сѣрыхъ лошадей, съ двумя кучерами поанглійски. Я проѣхала черезъ весь городъ, возбуждая всеобщее вниманіе. Евреи, узнававшіе экипажъ губернатора, становились на колѣни; я кланялась на обѣ стороны, забавляясь этой шутовской сценой. По пріѣздѣ своемъ въ деревню, я встрѣтила прекрасный пріемъ; мнѣ показали роскошный садъ, прекрасные виды, угостили очень вкуснымъ обѣ-

---

[1]) Четыре племянницы Потемкина, урожденныя Энгельгардтъ, были въ это время уже замужемъ. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о женѣ племянника Потемкина, В. В. Энгельгардта.

[2]) Н. Б. Энгельгардтъ.

[3]) Пассекъ, Петръ Богдановичъ, въ то время генералъ-губернаторъ Бѣлоруссіи, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея восшествіи на престолъ, р. 1736 г., † 1804 г.

домъ, послѣ котораго я сыграла партію въ шахматы съ господиномъ, котораго я никогда не видала, и затѣмъ простилась съ гостепріимнымъ хозяиномъ, чтобы вернуться къ своимъ экипажамъ и снова отправиться въ путь.

На третій день по моемъ выѣздѣ изъ Могилева я получила на одной изъ станцій, гдѣ остановилась, громадный пакетъ. Я была въ восторгѣ, думая, что онъ былъ отъ моей матери; но моя радость смѣнилась удивленіемъ, когда я увидѣла посланіе въ стихахъ и очень почтительное письмо отъ графа Ланжерона. Я была крайне недовольна, обманувшись въ ожиданіи, и рѣшила во что бы то ни стало отомстить за себя. За день до пріѣзда въ Кременчугъ, я наскоро закусывала въ маленькомъ городкѣ; въ то время, когда запрягали лошадей, появился графъ Ланжеронъ. «Никогда хорошо написанные стихи не имѣли худшаго успѣха, какъ ваши, — сказала я ему.—Вашъ пакетъ меня жестоко обманулъ, такъ какъ я приняла его за письмо отъ моей матери; эта печальная для меня ошибка лишила меня способности почувствовать всю прелесть вашей поэзіи». Онъ принялъ сокрушенный видъ и сказалъ мнѣ со вздохомъ, что онъ только что получилъ изъ Парижа печальное извѣстіе о томъ, что его жена при смерти. Онъ попросилъ меня написать рекомендательныя письма къ моему мужу и княгинѣ Долгорукой [1]), надѣясь пріѣхать раньше меня двумя днями. Я тотчасъ сѣла писать. Я рекомендовала его, какъ поэта, рыцаря, ищущаго приключеній, но который не находитъ ихъ, какъ сентиментальнаго супруга, оплакивающаго предсмертныя страданія жены, сочиняя стихи. Затѣмъ я сложила оба письма и передала ихъ ему незапечатанными, и онъ простился со мной. Въ то время, какъ я садилась въ экипажъ, мнѣ принесли огромный арбузъ съ новыми стихами отъ графа Ланжерона; къ счастью, они были послѣднія.

Я пріѣхала въ Кременчугъ въ холодную и непріятную погоду. Такъ какъ часть моихъ экипажей нуждалась въ поправкѣ, то я отправилась въ деревянный дворецъ, построенный по случаю путешествія государыни въ Крымъ, и заказала себѣ небольшой обѣдъ. Въ то время, какъ я поправляла свой туалетъ, мнѣ доложили о пріѣздѣ начальника города, родомъ шведа; наговоривъ мнѣ множество изысканныхъ фразъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать къ нему на обѣдъ, говоря, что онъ былъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ, и что онъ все приготовилъ для моего пріема, но извинялся заранѣе, что жена его, будучи серьезно больна, не могла принять меня съ подобающими мнѣ, какъ онъ думалъ, почестями. Пришлось ѣхать съ нимъ: мы сѣли въ двухмѣстную неопрятную карету съ плохой упряжью, запряженную плохими лошадьми. Мы подъѣхали

---

[1]) Княгиня Екатерина Ѳедоровна, впослѣдствіи статсъ-дама, жена кн. Василія Васильевича Долгорукова, урожденная княжна Барятинская, р. 1761 г., † 1848 г.

къ одноэтажному деревянному дому. Онъ предложилъ мнѣ руку и повелъ меня въ маленькую гостиную, пригласивъ войти въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежала его больная жена. Я согласилась, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣла лежащее на диванѣ тѣло и ноги, покрытыя чѣмъ-то бѣлымъ. Въ комнатѣ было очень темно, всѣ занавѣси были спущены, ея цвѣтъ лица сливался съ тѣнью въ комнатѣ. Она слабымъ и тонкимъ голосомъ извинилась, что остается лежать; я усѣлась подлѣ нея, прося ее не безпокоиться, и поддерживала съ ней бесѣду до самаго обѣда, который былъ болѣе, чѣмъ легкій. Нестройный оркестръ рѣзалъ мнѣ ухо, ему вторилъ хоръ съ фальшивыми голосами. Мой хозяинъ восхищался мелодіей и безъ конца повторялъ мнѣ, что это была любимая музыка князя Потемкина. Когда мои экипажи были готовы, и обѣдъ былъ конченъ, господинъ шведъ проводилъ меня до лодки, на которой я должна была переѣхать Днѣпръ. Эта рѣка величественна по своей ширинѣ и довольно опасна для переправы; моя компаньонка дрожала отъ страха, я же любовалась разнообразіемъ волнъ, которыя пересѣкала наша лодка: погода была туманная, вѣтеръ довольно сильный, тучи сталкивались и измѣняли свой видъ съ замѣчательной быстротой, вмѣсто сѣрой массы вдругъ появлялся просвѣтъ, глазъ едва успѣвалъ слѣдить за ихъ движеніями. Я была въ восторгѣ отъ этой картины; въ природѣ все — неожиданности, ея богатство безмѣрно, какъ безконеченъ ея создатель.

Видъ новороссійскихъ степей былъ для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ. Направо безпредѣльная равнина, вокругъ ни одного дерева, ни одного жилища, кромѣ казачьихъ постовъ, почтовыхъ станцій, на выжженной отъ солнца землѣ кое-гдѣ виднѣются прекрасные полевые цвѣты; налѣво — довольно возвышенная мѣстность. Казачьи посты представляли собой землянки, соломенныя крыши которыхъ торчали изъ-подъ земли на подобіе сахарныхъ головъ; ихъ окружали воткнутыя въ землю пики, блестѣвшія на солнцѣ, какъ звѣзды. Ночью я остановилась у одной изъ такихъ землянокъ для смѣны лошадей: луна сіяла восхитительнымъ блескомъ, погода была отличная; я вышла изъ экипажа; въ это время я услышала звуки бандуры, выходившіе протяжными, какъ бы изъ земли, во всемъ было что-то магическое; кромѣ этихъ мелодичныхъ звуковъ, вокругъ—безусловная тишина. Я почти разсердилась, что нужно было ѣхать дальше, но все было готово для продолженія пути, и я волей-неволей должна была ѣхать. Преобладающее, не вполнѣ ясное для насъ, желаніе заставляетъ насъ забывать настоящее, все кажется ничтожнымъ передъ нимъ, душа наша стремится вырваться изъ круга обычной жизни. На другой день у меня не оказалось провизіи, пришлось взять обѣдъ у казаковъ; подойдя къ одной изъ землянокъ, я услышала чьи-то радостные крики: «Да здравствуетъ Екатерина Великая, да здравствуетъ мать наша, ко-

торая кормитъ и прославляетъ насъ. Да здравствуетъ Екатерина!» Эти слова приковали меня къ мѣсту: я не могла ихъ слышать безъ внутренняго волненія. Никогда я не испытывала восторга болѣе искренняго и болѣе сознательнаго. Это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ въ степи, въ 2.000 верстахъ отъ столицы, было поистинѣ трогательно. Я спустилась въ землянку, гдѣ шелъ веселый свадебный пиръ. Мнѣ предложили выпить, но я попросила дать мнѣ поѣсть. Тотчасъ при мнѣ стали печь пироги особаго рода: они состояли изъ ржаной муки, смѣшанной съ водой; это тѣсто гладко раскатывалось, въ средину клали творогъ, завертывали края и затѣмъ клали въ кипящую воду, и черезъ 10 минутъ они были готовы. Я проглотила ихъ 6 штукъ, найдя ихъ превосходными; мои спутники сдѣлали то же самое, и мы отправились въ путь. Послѣ двухчасовой ѣзды я опять остановилась у другого поста, такъ какъ, несмотря на то, что я съѣла шесть пироговъ, я была еще очень голодна. Пріотворивъ каретную дверцу, я увидѣла у подножія горы, подъ маленькой палаткой, господина, сидящаго за столомъ и ѣвшаго съ большимъ аппетитомъ. Я послала узнать, кто это. Оказалось, что это былъ полковникъ Рибопьеръ [1]), котораго я знала и котораго я очень любила; я послала сказать ему, что умираю отъ голода и прошу его уступить мнѣ часть обѣда. Узнавъ меня, онъ сейчасъ же подбѣжалъ къ моему экипажу, принеся съ собой половину жаренаго гуся, вина и воды. Онъ былъ въ восторгѣ, что могъ оказать мнѣ эту маленькую услугу, а я была очень довольна быть у него въ долгу. Я была очень рада встрѣтить въ арміи этого прекраснаго человѣка. Онъ былъ несчастливъ, искалъ опасности и былъ убитъ при осадѣ Измаила.

На другой день, въ 70-ти верстахъ отъ Бендеръ, мы пріѣхали къ довольно высокой горѣ; было очень жарко; дорога была песчаная, лошади поднимались съ трудомъ. Я предложила своей компаньонкѣ и горничной выйти изъ экипажа, что онѣ и сдѣлали; экипажи свернули съ дороги, и мы поѣхали по мягкой травѣ. Я осталась одна въ экипажѣ, дверцы котораго были открыты на случай опасности. Черезъ четверть часа я услышала на большой дорогѣ звонъ колокольчика и увидѣла курьерскую телѣжку. Какой-то человѣкъ стоялъ въ ней и смотрѣлъ во всѣ стороны; я узнала моего мужа. Я выскочила изъ экипажа, онъ сдѣлалъ то же: я была болѣе чѣмъ счастлива; мои спутники прибѣжали къ намъ. Онъ оставилъ всѣ экипажи, взявъ только почтовую телѣжку, въ которой ѣхали сопровождавшій меня офицеръ и докторъ; мы поѣхали вдвоемъ. И вотъ мы покатили черезъ холмы и горы по каменистой дорогѣ. Въ 10 часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ столицу Бессарабіи (т.-е. въ Бен-

---

[1]) Полковникъ Рибопьеръ, другъ любимца Екатерины, графа Мамонова, замѣшанъ былъ въ исторію брака его съ княжной Щербатовой и удаленъ отъ двора.

деры), мы прошли пѣшкомъ мостъ черезъ Днѣстръ. Мой мужъ повелъ меня къ княгинѣ Долгорукой [1]). Она сидѣла въ небольшой гостиной, спиной къ дверямъ; возлѣ нея была г-жа Виттъ, теперь графиня Потоцкая [2]); въ глубинѣ комнаты находился игорный столъ, окруженный играющими игроками, очень занятыми своимъ дѣломъ. Я подкралась позади кресла, на которомъ сидѣла княгиня, и закрыла ей глаза обѣими руками; она вскрикнула отъ неожиданности, я отскочила назадъ. Г-жа Виттъ, видя незнакомое лицо, сидѣла молча, мужчины, не отворачивая головы, воскликнули: «Это, навѣрно, опять летучая мышь»: наканунѣ въ комнату влетѣла летучая мышь, испугавшая княгиню; я вышла изъ своей западни. Начались крики радости, восклицанія огласили маленькую турецкую гостиную. Послѣ ужина меня проводили домой; мое маленькое жилище было еще не совсѣмъ устроено, дивана еще не было, мои экипажи еще не прибыли. Мой мужъ разостлалъ на полу свой плащъ и устроилъ мнѣ подушку изъ своего мундира, поставилъ свѣчу на полъ и самъ помѣстился рядомъ возлѣ меня охранять меня. Я выспалась прекрасно; проснувшись, я побѣжала осматривать свое жилище, состоящее изъ 3-хъ комнатъ, расположенныхъ въ рядъ, изъ средней былъ выходъ. Стѣны комнаты, въ которой я спала, были деревянныя, двери ея были украшены полумѣсяцами; въ глубинѣ двѣ большія двери одного изъ тѣхъ альковов, куда турки заключаютъ своихъ женъ. Потолки были тоже обшиты досками, полъ земляной, хорошо убитый; окна съ деревянными рѣшетками, а вмѣсто стеколъ прозрачная бумага, которая могла только пропускать свѣтъ. Я открыла окно, чтобы посмотрѣть на дворъ. Противъ окна находились высохшія лозы винограда и большое вишневое дерево безъ вишенъ, такъ какъ ихъ время уже прошло. Я была печальна, такъ какъ мой мужъ получилъ приказаніе идти осаждать Килію; ему поручили командованіе пѣхотой, тогда какъ его полкъ составляла легкая кавалерія. Мысль о разлукѣ меня очень смущала, тѣмъ болѣе, что я оставалась одна съ перспективой пріѣзда князя Потемкина черезъ десять дней.

Послѣ отъѣзда моего мужа, я заперлась у себя, погруженная въ печальныя думы. Вокругъ меня всѣ были заняты пріѣздомъ князя; это ожиданіе мнѣ крайне не нравилось. Наконецъ онъ пріѣхалъ и просилъ меня прійти къ нему вечеромъ. Княгиня Долгорукая сказала мнѣ: «Будьте внимательны къ князю; онъ здѣсь пользуется властью государя».—«Я его знаю, княгиня»,—возразила я:—«я его встрѣчала при дворѣ; онъ обѣдалъ у моего дяди, и я не

---

[1]) Княгиня Екатерина Ѳедоровна.

[2]) Извѣстна была подъ именемъ «Красавицы Фанаріотки» (la belle Fanariote), родилась въ Константинополѣ въ 1766 г., была сначала замужемъ за генераломъ Виттомъ, а затѣмъ за графомъ Станиславомъ-Феликсомъ Потоцкимъ. Умерла въ 1822 г. Она была тещей графа П. Д. Киселева.

понимаю, почему я должна выдѣлять его изъ всѣхъ, которыхъ я встрѣчала». Я получила этотъ маленькій совѣтъ по дорогѣ къ князю. Этотъ послѣдній встрѣтилъ меня со всѣми выраженіями самой искренней дружбы. «Я очень рада видѣть васъ, князь», — сказала я ему,—«но я признаюсь, что цѣлью моего пріѣзда сюда вовсе не была честь видѣть васъ, но вы отняли у меня моего мужа, и теперь я ваша плѣнница». Я сѣла; большая зала была полна генералами, между которыми я увидѣла князя Репнина [1]), который велъ себя очень сдержанно, что̀ мнѣ крайне не понравилось и увеличило мою смѣлость. «Я здѣсь одна»,—думала я про себя:—«у меня нѣтъ руководителя; поэтому мнѣ слѣдуетъ держать себя гордо и съ твердостью». Это поведеніе удалось мнѣ отлично. Вечернія собранія у князя Потемкина становились все чаще. Волшебная азіатская роскошь доходила до крайней степени. Я скоро стала замѣчать его страстное ухаживаніе за княгиней Долгорукой; сначала она воздерживалась при мнѣ, но потомъ чувство тщеславія взяло верхъ, и она предалась самому возмутительному кокетству. Все окружавшее меня не нравилось мнѣ; атмосфера, которой я дышала, казалась мнѣ отравленной. Тѣ дни, когда не было бала, общество проводило вечера въ диванной гостиной. Мебель была покрыта турецкой розовой матеріей, вытканной серебромъ, на полу былъ разостланъ такой же коверъ съ золотомъ. На роскошномъ столѣ стояла филигранова курильница, распространявшая аравійскія благоуханія. Намъ разносили чай нѣсколькихъ сортовъ. Князь носилъ почти всегда кафтанъ, обшитый соболемъ, и звѣзды: Георгіевскую и Андреевскую, украшенную бриллiантами. У княгини было платье, очень похожее на одежду султанской фаворитки: недоставало только шароваръ. Г-жа Виттъ бѣсилась и играла роль простушки, хотя она шла къ ней очень плохо. М-lle Пашкова, въ замужествѣ г-жа Ланская, проживавшая у княгини, держала себя въ сторонѣ, насколько возможно [2]). Я проводила большую часть вечера за шахматами съ принцемъ Карломъ Виртембергскимъ [3]) и княземъ Репнинымъ. Княгиня Долгорукая не покидала князя Потемкина. Ужинъ подавался въ роскошной залѣ; кушанья разносили кирасиры высокаго роста съ огромными воротниками; на головахъ у нихъ были черныя мѣховыя шапки, съ султаномъ; перевязи у нихъ были посеребренныя. Они шли подвое и напоминали гвардейцевъ, которыхъ я видѣла

---

[1]) Кн. Н. В. Репнинъ, на дочери котораго женатъ былъ первымъ бракомъ братъ гр. Головиной, кн. Ѳ. Н. Голицынъ.

[2]) Варвара Матвѣевна Пашкова (ум. 1831 г.), бывшая потомъ въ замужествѣ за Василіемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ (род. 1751, ум. 1831), дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ государственнаго совѣта.

[3]) Принцъ Карлъ Виртембергскій, братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны (ум. 1791 г.).

на театральной сценѣ. Во время ужина прекрасный оркестръ, изъ пятидесяти роговыхъ инструментовъ, исполнялъ самыя лучшія пьесы. Оркестромъ управлялъ Сарти [1]); все было великолѣпно и величественно, но все это не веселило и не занимало меня: невозможно спокойно наслаждаться, когда забываютъ правила нравственности. Я не буду касаться ежедневныхъ событій: это было самое непріятное время моей жизни. Эта неискренняя любовь, основанная на тщеславіи, это вынужденное знакомство съ г-жей Виттъ, которая могла внушить одно презрѣніе, но къ которой я питала одно только тягостное чувство жалости, вообще все окружающее не отвѣчало моимъ душевнымъ наклонностямъ. Я думала только о томъ, какъ бы вырваться отсюда.

Однажды вечеромъ я услышала пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе о взятіи Киліи [2]): у меня сердце содрогнулось. Но, узнавъ, что мой мужъ здоровъ, я была въ восторгѣ, внѣ себя отъ радости. На другой день я отправилась на молебенъ, послѣ котораго обратилась къ князю, прося его вызвать моего мужа. «Я тотчасъ отправлю приказъ», сказалъ онъ, «и пришлю вамъ съ него копію, чтобы вы имѣли о немъ понятіе». И, дѣйствительно, едва я успѣла вернуться къ себѣ, какъ получила бумагу, въ которой предписывалось отправить, какъ можно скорѣе, графа Головина къ его женѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ противъ этого. На другой день мой мужъ пріѣхалъ верхомъ. Оказалось, что онъ находился въ 100 верстахъ отъ насъ. Теперь я вздохнула свободно. Мнѣ хотѣлось немедленно возвратиться въ Петербургъ, но вскорѣ должны были праздновать день святой Екатерины. Князь готовилъ роскошное празднество; я полагала, что съ моей стороны было бы большою любезностью по отношенію къ князю, если бы я присутствовала на этомъ праздникѣ, такъ какъ онъ все время осыпалъ меня знаками вниманія. Въ день празднества насъ провезли на линейкахъ мимо 200-тысячной (sic) арміи, расположенной по дорогѣ и отдававшей намъ честь. Мы подъѣхали къ обширной подземной залѣ, роскошно убранной. Противъ красиваго дивана было устроено нѣчто въ родѣ галлереи, наполненной музыкантами. Звуки инструментовъ, раздававшіеся въ подземельѣ, казались глухими, но отъ этого они только выигрывали. Вечеръ закончился блестящимъ ужиномъ; мы возвращались въ этихъ же экипажахъ, среди той же боевой арміи. Бочки съ зажженною смолой служили намъ фонарями; все это прекрасно и величественно, но я нисколько не сожалѣла, когда вечеръ кончился, и я вернулась домой. На другой день я послала за генера-

---

[1]) Извѣстный въ то время композиторъ, Іосифъ Сарти (род. 1730 г., ум. 1802 г.). Лучшей его оперой считается «Армида».

[2]) 18-го октября 1790 г.

ломъ Рахмановымъ [1]), который былъ ко мнѣ очень расположенъ; я просила его выхлопотать у князя, котораго онъ былъ любимцемъ, отпускъ для моего мужа. Онъ отвѣчалъ, что князю будетъ пріятнѣе, если я ему напишу сама, но я настаивала на томъ, чтобы онъ просто исполнилъ мое порученіе, прибавивъ, что потомъ я увижу по обстоятельствамъ, что предпринять. Онъ возвратился, передавъ, что князь умолялъ меня написать ему хотя бы два слова, чтобы доставить ему удовольствіе засвидѣтельствовать мнѣ письменно свои чувства дружбы и уваженія ко мнѣ. Я написала ему наскоро маленькую записку на сколько могла любезно, передала ее генералу Рахманову, который взялся тотчасъ отнести ее; онъ вскорѣ вернулся съ самымъ обязательнымъ отвѣтомъ, скажу даже трогательнымъ. Это письмо у меня хранится до сихъ поръ. Я дѣятельно принялась за приготовленія къ отъѣзду, который огорчалъ князя Потемкина. Княгиня Долгорукая была тоже въ отчаяніи: послѣ моего отъѣзда она оставалась единственной дамой въ арміи, и потому ей было неудобно оставаться тамъ послѣ меня.

Наканунѣ моего отъѣзда я отправилась проститься съ княземъ Потемкинымъ и поблагодарить его за его знаки вниманія ко мнѣ. Я уѣхала съ мужемъ въ восторгѣ отъ того, что избавилась отъ обстановки, которая мнѣ была совсѣмъ не по душѣ.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Гавріилъ Михайловичъ Рахмановъ. Въ описываемое время онъ былъ еще полковникомъ.